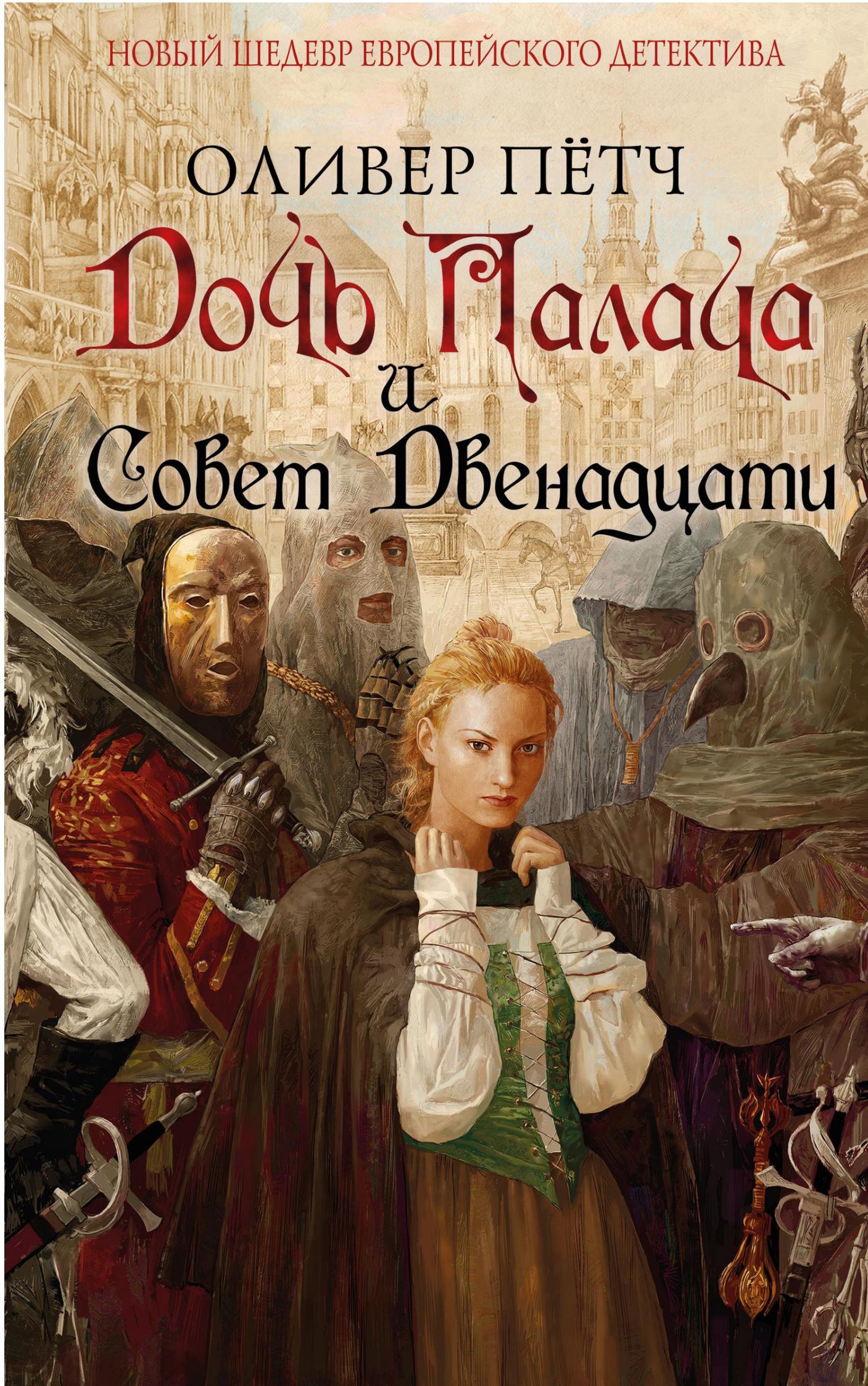

НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ОЛИВЕР ПЁТЧ

Дочь Палаца и Совет Двенадцати

Дочь палача

Оливер Пётч

Дочь палача и Совет двенадцати

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-4

Пётч О.

Дочь палача и Совет двенадцати / О. Пётч — «Эксмо»,
2017 — (Дочь палача)

ISBN 978-5-04-091355-8

Якоб Куизль — грозный палач из древнего баварского городка Шонгау. Именно его руками вершится правосудие. Горожане боятся и избегают Якоба, считая палача сродни дьяволу... Бавария, 1672 год. В Мюнхене собрался Совет Двенадцати — цеховое собрание главных палачей Баварии. Пригласили на него и Куизля со всей его семьей. Но Совет был практически сорван серией зловещих убийств, каждое из которых напоминало казнь — удушение, захоронение живьем, утопление в мешке, четвертование... Жители Мюнхена обвинили во всем съехавшихся в город палачей: дескать, все это сотворили они — и должны за это ответить. Во избежание самосуда защищать исполнителей закона взялись Якоб Куизль и его дочь Магдалена...

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-4

ISBN 978-5-04-091355-8

© Пётч О., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

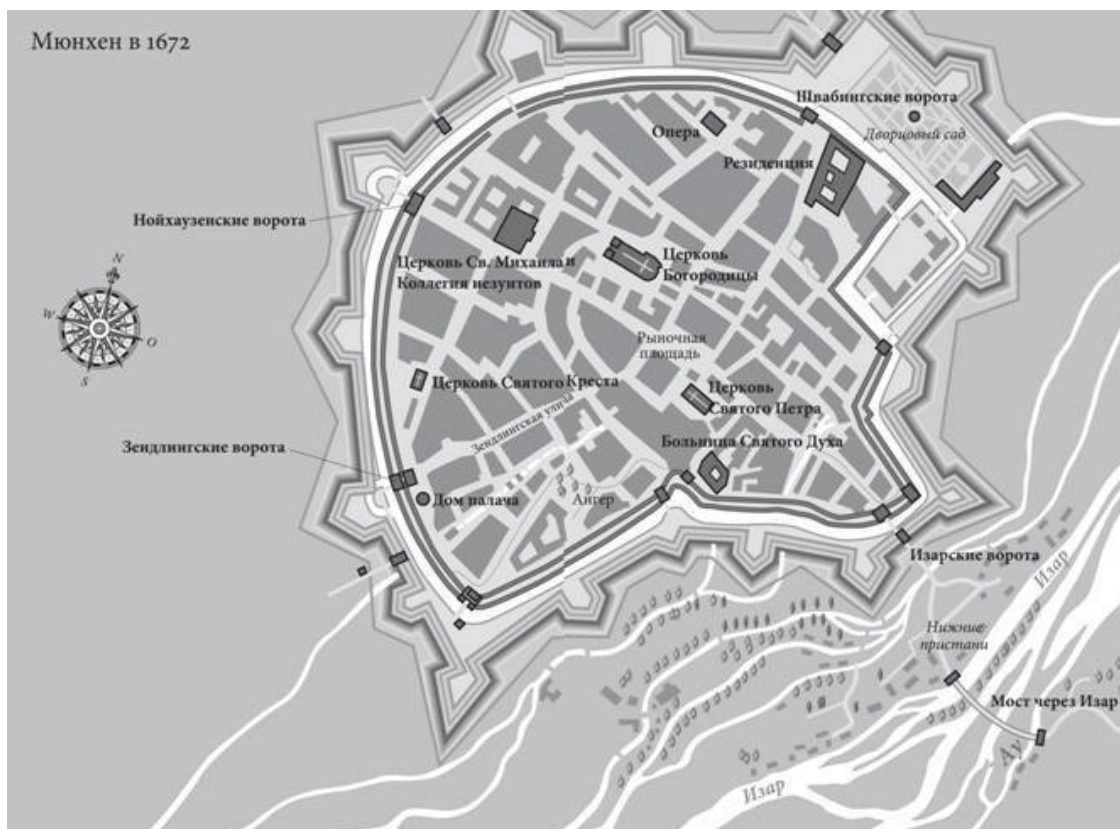
Пролог	8
1	11
2	30
3	45
4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Оливер Пётч

Дочь палача и Совет Двенадцати

Элийяне, Квирицу, Винсенту, Леону, Камире и всем, кому только предстоит появиться. Добро пожаловать в клан Куизлей!

Чужой – чужак лишь на чужбине.
Карл Валентин

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семейство Куизлей:

Якоб Куизль – палач из Шонгау

Магдалена Фронвизер (урожденная Куизль) – старшая дочь Якоба

Барбара Куизль – младшая дочь Якоба

Симон Фронвизер – городской лекарь в Шонгау

Петер, Пауль и София – дети Магдалены и Симона

Георг Куизль – сын Якоба
Бартоломей Куизль – брат Якоба

Совет Двенадцати:

Михаэль Дайблер – палач из Мюнхена

Иоганн Михаэль Видман – палач из Нюрнберга Мастер Ганс – палач из Вайльхайма

Филипп Тойбер – палач из Регенсбурга Конрад Неер – палач из Кауфбойерна

Каспар Хёрманн – палач из Пассау Йорг Дефнер – палач из Нёрдлингена
Маттеус Фукс – палач из Меммингена

Михаэль Рознер – палач из Ингольштадта Людвиг Хамбергер – палач из Ансбаха
Бартоломей Куизль – палач из Бамберга Якоб Куизль – палач из Шонгау

Жители Мюнхена

Курфюрст Фердинанд Мария – правитель Баварии Генриетта Аделаида – его жена
Кронпринц Макс Эмануэль – их сын
Иоганн Каспар фон Керль – придворный капельмейстер
Доктор Малахия Гайгер – врач
Даниэль Пфунднер – городской казначей Йозеф Лойбль – капитан городской стражи
Лукас ван Уффеле – управитель мануфактуры
Матушка Йозеффа – распорядительница проституток Вальбурга Дайблер – жена мюнхенского палача
Валентин – городской скрипач
Густль – судебный надзиратель в Ау Лоренц – городской собачник
Анни, Эльфи и Ева – три пряжи Агнес и Шарлотта – также пряжи
Шорш, Зеппи и Мозер – дети из Ангерских Волков Луки – главарь Подонков Ау

Пролог

Мюнхен,

утро 26 июля 1649 года от Рождества Христова

Смертью несло как от тухлой рыбы. Запах этот вырвал Йоханну Мальмингер из прелестных грез.

Казалось, еще минуту назад она кружила в танце с миловидным парнем, да так бойко, что лоб покрывался испариной. Йоханна прижималась к нему бедрами, а он призывно гладил ее по спине и по ягодицам. Губы их почти соприкасались. Йоханна попыталась даже поцеловать юного незнакомца, но внезапно наткнулась на маску.

А когда сорвала ее, увидела перед собой череп – жуткий оскал, черные вонючие личинки лезут из пустых глазниц...

Йоханну разбудила вонь. Вонь и холод.

Она встряхнула головой, но воняло по-прежнему, и по-прежнему было холодно. Голова раскалывалась, язык сухой тряпкой пристал к нёбу, веки слиплись от пота и грязи. Йоханна с трудом приоткрыла глаза и обнаружила, что сестры рядом нет и что лежит она не в кишасей блохами постели на постоялом дворе в Ау и не помирает с похмелья под дощатой сценой, выстроенной к празднику святого Иакова в Ангере. Нет, она лежала в какой-то сырой, холодной дыре. Сквозь квадратное отверстие в противоположной стене лился яркий солнечный свет. Йоханна поморгала. День был в самом разгаре.

День?

Йоханну вдруг охватил страх. Она проспала! Теперь-то уж старая ведьма точно вышвырнет ее из швейной мастерской – она уже пригрозила ей в прошлый раз. А ведь Йоханна попала туда всего две недели назад... Что же с ними станет, с ней и ее сестренкой, десятилетней Лизель? Им придется попрошайничать, как и многим другим девицам, что стекались в Мюнхен в поисках лучшей доли... Родители Йоханны умерли от чумы, а старших братьев зарезали, как телят, мародерствующие солдаты. Это случилось в последний налет шведов, перед тем как закончилась эта проклятая война, которая началась задолго до ее рождения. В Мюнхене Йоханна надеялась устроиться служанкой или няней. Но быстро поняла, что юных девиц, таких как она, в городе больше, чем гальки на речном берегу. Они были отбросами, грязным бродяжками, которым надменные горожане швыряли гнилые овощи. Если вообще замечали их.

Единственным достоянием Йоханны было ее тело.

Еще в Страубинге парни говорили ей, до чего она красива. И здесь, в Ау, за стенами большого города, Йоханна ловила на себе взгляды мужчин. Поначалу она упиралась, но молодые подмастерья соблазнили ее салом и колбасой. В конечном итоге ей это даже понравилось. Ей исполнилось уже девятнадцать, жизнь была недолгой и полной грязи, так почему бы не получить хоть какое-то удовольствие? Кроме того, это давало им с Лизель пропитание, и время от времени они могли спать в постели, а не в куче грязной соломы, среди других несчастных девушек из глубинки.

Но потом случилось невозможное – и Йоханна решила начать новую жизнь. Ей чудом удалось устроиться в швейную мастерскую в Хайдхаузене. Йоханна понимала, что это ее единственный шанс. И вот она спит до полудня, после попойки... Эта ярмарка, будь она проклята! Должно быть, кто-то из мужчин привел ее к себе домой. Судя по запаху, это не подмастерье

пекаря и не симпатичный музыкант. Скорее уж какой-нибудь рыбак... И почему в этой провонявшей лачуге так холодно? Надо убираться отсюда, пока еще не слишком поздно!

Йоханна попыталась было подняться, но с изумлением обнаружила, что не может пошевелиться. Кроме того, в горле словно бы что-то застряло и душило. Только теперь она поняла, что странный вкус во рту идет от куска материи. И чего-то еще, отдающего металлическим привкусом, как от монеты.

Йоханна была связана, и рот ей заткнули кляпом.

Постепенно до нее стало доходить, что вылететь из мастерской – это еще не самое худшее.

Дергаясь и вырываясь, Йоханна пыталась вспомнить, что же, собственно, произошло прошлой ночью. Она плясала с этим парнем – у него были светлые волосы, голубые глаза и улыбка, сладкая, как вишня в июле... Йоханна позабыла, как его зовут и кем он работает. Пиво лилось рекой. Йоханна припоминала, как Лизель тянула ее за юбку, но она стряхнула сестренку, точно репей, и отдалась всеобщему неистовству. Это был первый после Большой войны праздник в честь святого Иакова, самая большая ярмарка в городе. Народ праздновал словно одержимый. А парень вновь и вновь подливал ей пива. И под конец разве не ощутила Йоханна этот странный, горьковатый привкус? Но тщетно старалась она привести в порядок воспоминания – в голове все перемешалось...

Заслышав вдруг шорох и стук, Йоханна вздрогнула. Глаза уже привыкли к яркому солнечному свету, и она посмотрела в окно, откуда и доносился шум.

У нее перехватило дыхание. Окно стало меньше.

Как такое возможно? Йоханна присмотрелась и поняла, что означает этот шорох и постукивание. Это было никакое не окно, а простое прямоугольное отверстие на уровне пояса. И оно действительно с каждой минутой уменьшалось в размерах. Вот на край положили очередную порцию раствора, потом чья-то рука приладила в отверстие камень.

Шорох и стук, шорох и стук...

Кто-то решил замуровать ее.

Йоханна попыталась закричать, но кляп придавил нёбо, и ее чуть не вырвало. Вновь она почувствовала что-то металлическое во рту. Или это всего лишь вкус крови?

Если сплюнуть, то можно и задохнуться... Кто же тогда позаботится о маленькой Лизель?

Йоханна попыталась успокоиться, унять биение сердца. Она прислушалась: снаружи доносились и другие звуки. Где она сейчас? Нетрудно было различить плеск воды – значит, Изар протекал где-то поблизости. Может, она на каком-то из Рыбачьих островов, недалеко от большого моста? Или где-нибудь на нижних пристанях? Но почему же здесь так холодно? Ведь лето в самом разгаре! Теперь слышались и голоса, крики, смех. Там были люди, совсем рядом! Вновь Йоханна попыталась закричать, но из груди вырвался лишь сдавленный хрип.

Журчал, переливался Изар, где-то рядом сновали люди, Йоханна даже уловила музыку, доносившуюся с Ангерплац, барабаны и скрипки. Праздник продолжался, народ веселился, а ее окошко во внешний мир становилось все меньше.

Еще немного, и оно вовсе закроется. Наверное, навсегда.

Шорох и стук, шорох и стук, шорох и стук...

У Йоханны на глазах выступили слезы, тщетно пыталась она высвободиться из пут. Что за дьявол так поступил с ней? И что ей только вздумалось танцевать с этим юным красавцем?

Йоханне вспомнился образ в деревенской церкви, которого она так страшилась в детстве: молодой мужчина приглашает девушку на танец, из правой штанины у него выглядывают копытце, язык длинный и черный, как у змеи.

Третий смертный грех.

Сладострастие...

Йоханна тихонько всхлипнула и приготовилась к неизбежному. Быть может, это Господь наказывал ее за былые прегрешения? Без сомнения, Ему известно и о худших ее деяниях. Никаких молитв, произнесенных в приходской церкви Хайдхаузена, не хватило бы, чтобы задобрить Создателя.

Шорох и стук, шорох и стук...

Неумолимо росла каменная стена, все меньше становилось отверстие. Вскоре в него смогла бы поместиться лишь голова взрослого человека, потом оно стало еще меньше. И вот оно уже размером с кулак. Последний лучик света пробился в темницу Йоханны, скользнул по ее лицу. В отчаянии она потянулась к нему.

Господь милостивый, мне так жаль, так жаль! Господи, прошу, прости меня!

Но Господь не знал милости.

Последний камень со скрежетом втиснулся в отверстие. Воцарились тишина, холод и тьма.

Йоханна осталась одна.

1

Спустя двадцать с лишним лет

Шонгау,

26 января 1672 года от Рождества Христова

– Петер не то чтобы сам виноват, просто он вечно дает другим повод.

– Как это понимать?

Магдалена со злостью уставилась на Ганса Вайнингера, школьного учителя в Шонгау: тот в смущении перебирал поля шляпы. Затем она перевела взгляд на Петера. Из носа у него текла кровь вперемешку с соплями, капая на единственную белую рубашку, оставляя красно-зеленые разводы. Мальчик шмыгал и смотрел прямо перед собой. Должно быть, он с трудом сдерживал слезы.

– Хотите сказать, мой сын просит других поколотить его? – вновь начала Магдалена. – Так, по вашим словам, выходит?

Они стояли на Монетной улице, перед гимназией – мрачного вида строением, с трубой до того покосившейся, что казалось, в любую секунду она может рухнуть им на головы. На первом этаже размещалась городская скотобойня, и оттуда тянуло сладковатым запахом крови и мяса. Сухой ветер свистел по переулкам, задувая в лицо редкие снежинки. Холод стоял жуткий, но у Магдалены внутри все кипело от злости.

– Его колотят уже третий раз за нынешний месяц! – возмутилась она и показала на Петера. – Почему бы вам не выпороть как следует этих бездельников, чтобы они поняли, каково это?

– Э... я ведь слишком поздно узнаю об этом, – тихим голосом ответил учитель, уставившись при этом на свою шляпу, словно разглядывал крошечную вошь. – Так что мне неизвестно, кто за этим стоит.

«Все-то тебе известно, – подумала Магдалена. – Наверняка это Бертольдовы дети, или негодники Земера, или еще какие-нибудь паразиты, чьи родители состоят в Совете».

– Возможно, вашему сыну стоило бы поумерить пыл на занятиях по латыни, – предположил Вайнингер.

Тощий и костлявый, он больше всего любил распевать кантаты, а все остальное время прятался за школьной кафедрой. Магдалена знала его с самого детства. В свое время Вайнингер изучал теологию в Ингольштадте и даже юриспруденцию, хоть и немного. В любом случае он был куда образованнее, нежели вечно пьяный учитель из школы недалеко от кладбища, где дети из бедных семей с горем пополам разучивали «Отче наш» да учились счету по палочкам. Туда ходил и Пауль, младший сын Магдалены – если не прогуливал занятия и не резвился где-нибудь на лугу.

– Ребятам не очень-то нравится, когда их поправляет одноклассник, – заметил Вайнингер. – В особенности если это... если это...

Он запнулся, но Магдалена и без того знала, что он хотел сказать.

– В особенности если это отпрыск палача, – закончила она с горечью в голосе. – Благодаря, я и сама знаю, из какой я семьи.

Магдалена почти свыклась с мыслью, что для горожан она навсегда останется нечестивой дочерью палача. Два года назад Симон, ее муж, стал городским лекарем – и все равно люди обходили ее стороной. Магдалене было очень больно оттого, что пятно происхождения Куизлей перешло и на ее детей.

И это выводило из себя.

– У моего сына мозгов больше, чем у всех бюргерских детей, вместе взятых! – снова напустилась она на Вайнингера. – Если ему и суждено когда-нибудь стать признанным лекарем, то ваши жалкие занятия тут явно ни при чем.

Вайнингер вздрогнул, и Магдалена поняла, что зашла слишком далеко.

– Если вы считаете, что ваш сын слишком хорош для меня и для Шонгау, можете отправить его в другую школу, – с надменным видом ответил учитель. – К примеру, в коллегию к иезуитам в Мюнхене. Вы ведь, как я слышал, собираетесь туда. Вот и приходите к ним, представьте своего мальчика... Любопытно, что скажут святые отцы на его счет.

Магдалена прикусила губу. Вайнингер наступил ей на большую мозоль.

– Вы и сами знаете, что ничего из этого не выйдет, – ответила она резко. – С его-то дедом... Ну, всего доброго вам, *господину учителю*.

Магдалена развернулась и взяла Петера за руку. Они прошагали по Монетной улице, пока не скрылись из виду. Женщина кипела от досады. В очередной раз ей напомнили, каково это, быть дочерью местного палача. Но причина заключалась не только в этом. Казалось, Шонгау населяли одни лишь сплетники! Наверное, каждая собака уже знала, что семейство Куизлей в скором времени отбывает в Мюнхен.

Месяц назад Якоб Куизль получил приглашение чрезвычайной важности: его избрали в состав Совета Двенадцати, высшей инстанции баварской гильдии палачей. Уже на следующей неделе, в праздник Сретения Господня, в Мюнхене должны были собраться самые влиятельные палачи Баварии. При этом Якоба Куизля попросили представить там свою семью. Магдалена долго раздумывала, стоит ли ей предпринимать такое путешествие: маленькой Софии совсем недавно исполнился год, стояли холода, и реки были местами покрыты льдом. Но Магдалена понимала, что не сможет отказать отцу в его желании. Впрочем, это был скорее приказ, а не пожелание.

«И вполне возможно, что это путешествие – последнее в его жизни», – подумала она и поневоле крепче сжала руку Петера.

Отец уже состарился, ему стукнуло почти шестьдесят. Он по-прежнему был грозным палачом и еще на прошлой неделе казнил бродячего вора, чьи останки теперь болтались на городской виселице. Но хоть он и был силен как бык и умен как лис, движения его понемногу слабели, становились порывистыми; взгляд отяжелел под грузом прожитых лет, бремени войны и бесчестия, неизменного спутника его ремесла. Магдалена понимала, что приглашение в Мюнхен было для него возмещением за долгие годы презрения. Она и другие члены семьи должны отправиться с отцом, хотели они того или нет.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Магдалена остановилась и принялась вытирать кровь и сопли с лица Петера. Из носа тонкой струйкой текла кровь, напоминая о произволе, жертвой которого стал ее сын. Петер был еще бледнее, чем обычно, под правым глазом уже наливался синяк. Дорогие брюки оказались порваны и теперь требовали починки.

– И почему ты не ударишь никого в ответ? – спросила Магдалена сердито. Мальчик явно мерз в своей тонкой рубашке. – С Паулем такого никогда не случилось бы! Он на год младше тебя, но даже десятилетние мальчишки бегут от него наутек. Почему ты не можешь защитить себя?

В следующий миг Магдалена пожалела о своих словах, но было уже поздно. Петер отвернулся, его худые плечи напряглись.

– Их было пятеро, – произнес он тихим голосом. – Тут и Пауль не справился бы.

– Кто это был? Говори! Паршивец Бертольд? Или толстый Зайлер? Уж они получают у меня. Пойду к их родителям и...

Петер замотал головой, и Магдалена резко замолчала.

– Будет только хуже, – прошептал он. – Они слишком глупы. У них только кулаки и есть, – он попытался улыбнуться. – Когда они бьют меня, я просто закрываю глаза и думаю о чем-нибудь хорошем. Например, о росписи в церкви Альтенштадта, или вспоминаю стихи Овидия.

Магдалена вздохнула. Отдавая старшего сына в местную гимназию, они с мужем понимали, что ему придется там нелегко. Прежде Петер ходил в школу в расположенном неподалеку Обераммергау, но это продлилось недолго. Будучи сыном городского лекаря, он имел право посещать гимназию в Шонгау. При этом Петер был умным, чутким и творчески одаренным мальчиком. В его рисунках и анатомических зарисовках чувствовался большой талант.

Но при всем этом он был еще и внуком палача...

– А может, заглянем к папе, что скажешь? – спросила Магдалена и подмигнула. Она знала, что Петер больше всего любил бывать у Симона в процедурной. Там он за час узнавал больше, чем за неделю занятий у Вайнингера. Правда, при этом Петер часто изводил Симона расспросами. А однажды он испортил своими рисунками два анатомических эскиза – и, конечно же, очень разозлил отца.

Петер радостно кивнул и вытер сопли с лица. Взявшись за руки, они пошли по обледенной улице к Дворцовому кварталу, где располагался их дом, и там же была устроена приемная Симона.

* * *

Глядя на свежевыкрашенный фахверковый дом с пристроенной конюшней и садом, Магдалена не впервые уже ощутила прилив тайной гордости. Еще недавно они с Симоном и детьми жили в доме ее отца в зловонном Кожевенном квартале. Теперь же – в городе, да еще в таком квартале, где обитали богатые горожане и патриции.

«Чи дети колотят моего сына, – подумала Магдалена, и радость ее растаяла, как снег на жарком солнце. – Как в свое время Бертольды колотили меня и Георга... Неужели это никогда не изменится?»

Она открыла дверь – и поняла, что для Симона сегодняшний день будет долгим. На скамейке в затемненном коридоре ждали с десятков мужчин и женщин. У кого-то текло из носа, другие хрипло кашляли и протирали раскрасневшиеся глаза. Сейчас, в конце января, простудные заболевания достигли своего пика. Бывало, даже по ночам люди приходили к ним за тимьяном или акантом, чтобы унять кашель. Кроме того, в городе свирепствовала лихорадка, жертвами которой уже стали два ребенка и несколько стариков.

Магдалена поздоровалась с пациентами и миновала жилую комнату с изразцовой печью. Слева находилась процедурная, также натопленная, и стертые ступени вели вверх, в спальни.

Краем глаза Магдалена заметила, как две пожилые женщины зашептались, показывая при этом на Петера. Видимо, судачили насчет палаческого отпрыска в рваных штанах и грязной рубашке.

И тем не менее они идут к его отцу, городскому лекарю, гадюки!

Не обращая внимания на женщин, Магдалена взяла Петера за руку и вошла в процедурную. Шепот за спиной так разозлил ее, что она забыла постучаться.

Зрелище, которое открылось ей в комнате, заставленной стеллажами и ящиками, заставило женщину отпрянуть.

Посреди комнаты, перегнувшись через стол, стоял со спущенными штанами Йозеф Зайлер, один из советников и торговец сукном. На заднице у него краснел огромный фурункул,

сверкая, точно звезда в ночи. Рядом, со скальпелем в руке, стоял Симон: он как раз изготовился взрезать нарыв.

Магдалена с трудом сдержала смех. Толстый Зайлер пыхтел, как старый кабан. Очевидно, он еще не заметил, что в комнату кто-то вошел. Магдалена невольно подумала, что сынок Йозефа Зайлера тоже был в числе тех, кто отколотил Петера. И вот его отец стоит здесь со спущенными штанами и голым задом, словно дожидается порки...

Симон поднял на нее растерянный взгляд, и Магдалена зажала рот ладонью.

– Кхм... простите, я на секунду, – сказал лекарь Зайлеру.

Он торопливо отложил скальпель и, подойдя к двери, зашипел на Магдалену:

– С ума сошла? Сколько можно повторять, чтобы ты не врывалась ко мне во время...

– Дело в твоём сыне, – перебила его Магдалена и показала на Петера. – Может, ты уже заметил, что у него кровь течет.

Симон бросил взгляд на Петера: тот с явным научным интересом разглядывал фурункул на заднице Зайлера. Лекарь нетерпеливо повел плечами.

– Ребята подрались, ничего серьезного. Во всяком случае, ничего такого, что требовало бы неотложной помощи.

– У твоего сына *течет кровь*, – повторила Магдалена чуть громче. – Быть может, уважаемый лекарь хотя бы осмотрит его внимательнее? Или задница Зайлера для тебя важнее, чем нос своего сына?

– Ну что там, готово? – раздался позади них голос Зайлера. Он по-прежнему стоял перегнувшись через стол и, судя по всему, не слышал их тихий спор. – Я ничего не почувствовал.

– Э... сейчас я найду мазь, которая снимет боль, – отозвался Фронвизер. – Подождите секунду, любезный, я сейчас вернусь.

Он вытолкнул Магдалену и Петера в коридор, и ожидающие пациенты уставились на них, как на пестрых птиц.

– Ты же видишь, я сейчас не могу, – прошептал Симон.

– Это займет так много времени? Просто взгляни на сына.

Симон вздохнул, потом наклонился к Петеру и бегло осмотрел его нос.

– Не сломан, это главное. Пусть вложит в ноздри пастушьих сумок, это остановит кровь. – Он выпрямился и огляделся. – А куда ты девала Софию? – Нахмурился. – Что, снова осталась у деда?

Магдалена пожала плечами.

– А что мне оставалось делать? Вайнингер прислал двух мальчишек, попросил поскорее прийти в школу. А на улице слишком холодно, я бы не успела одеть ее.

– Тогда будем молиться, чтобы твой отец не натворил дел... Ты ведь знаешь, что нянька из него не то чтобы хорошая. Особенно если с ним Пауль. Кто знает, что взбредет в голову этому мальчишке... – Симон поднял указательный палец. – Вспомни, как они на той неделе съехали с горки под Пайсенбером.

Магдалена закатила глаза. Муж всегда волновался за маленькую Софию, и порой это заходило слишком далеко. Возможно, причина его опасений крылась в том, что в свое время они уже потеряли дочь – она не прожила и нескольких месяцев. С тех пор прошло пять лет, и Магдалена довольно долго не могла забеременеть. Симон был чрезвычайно горд маленькой Софией.

«Несмотря на ее клеймо, несмотря на сплетни», – подумала Магдалена.

Она оглянулась на пациентов: женщины и мужчины, сплошь пожилые, с видимым предвкушением ждали продолжения перепалки.

– Хотя возможно, что причина не только в этом. Ты просто не хочешь, чтобы в городе про нее говорили, – предположил Симон сдавленным голосом. – Потому что ты стыдишься ее.

– Что... ты что несешь вообще? – вспыхнула Магдалена. – Ты это серьезно?

Ей вдруг стало совершенно безразлично, слышат ее или нет. Две женщины снова зашептались.

– Ай, да шли бы вы все к черту! – прошипела она. Потом повернулась к приоткрытой двери в процедурную и добавила громким голосом: – Хорошего дня вам, господин советник! Передавайте привет своему драчливому сыну. В следующий раз, если я увижу его, то спущу ему штаны, как мой муж – вам.

Она взяла Петера за руку и, не сказав больше ни слова, пошла прочь. Симон с раскрытым ртом смотрел ей вслед.

Магдалена быстрым шагом прошла мимо изумленных пациентов, уже жалея о своих словах. Она буквально чувствовала на себе их взгляды. Ну почему она так легко выходит из себя! Особенность эту Магдалена унаследовала от отца и, как и он, довольно часто попадала из-за этого в неприятности. Но исправить уже ничего не могла. Вполне возможно, что Симон потереяет кое-кого из состоятельных пациентов. При этом он, будучи городским лекарем, добился признания даже среди патрициев... Да и вносить каждый месяц арендную плату за дом не так просто... В такие моменты Магдалена сама себя ненавидела! С другой стороны, как мужу вообще в голову могло прийти, что она не хочет показываться с дочерью на людях? С ребенком, которого любила всем сердцем?

Холодный воздух помог ей немного успокоиться. Магдалена огляделась: родной город вдруг показался ей до ужаса маленьким и тесным. Когда-то Шонгау процветал, множество торговцев и путников проезжали по его дорогам. Но после войны, которая окончилась больше двадцати лет назад, городок стал приходить в упадок. Старый замок разрушался на глазах, с красивых когда-то фахверковых домов на Рыночной площади облупилась краска и сыпалась штукатурка. Только теперь Магдалена заметила, что их собственный дом, которым она так гордилась, нуждался в ремонте. В Мюнхене, столице Баварии, здания, конечно же, были куда великолепнее, больше и ухоженнее.

«И в головах у мюнхенцев вмещается побольше, чем в тесных шонгауских черепушках», – с горечью подумала Магдалена.

Трижды пробил колокол приходской церкви, напомнив ей, что все-таки не стоило надолго оставлять Софию в обществе деда и Пауля.

– Ты слышал, что сказал отец, – сказала Магдалена Петеру и погладила его по голове. – Пойдем к деду и к Софии, – она слабо улыбнулась. – Все равно в ушибленных носсах дедушка разбирается лучше, чем твой всезнайка-папа.

* * *

– Быстрее, дедушка, быстрее!

Якоб Куизль тащил Пауля по замерзшему пруду за палаческим домом и пыхтел при этом как старый мерин. К ногам мальчика были привязаны острые полозья из оленьего рога, и сквозь тонкий слой снега лезвия взрезали лед. Куизль тянул за тонкий канат, которым обвязал Пауля. Время от времени под ногами скрипело и потрескивало, но Якоб знал, что лед выдержит даже его внушительный вес. В детстве он каждую зиму катался по льду, а сейчас, в конце января, холод по-прежнему был такой, что в густой бороде у него намерзли маленькие сосульки. Беспокойство вызывало лишь то, что Пауль тянул за собой маленький шерстяной сверток, который бросало то вправо, то влево.

В свертке лежала, тепло укутанная, младшая внучка Куизля, София.

По всей видимости, малютке нравилось кататься по льду – она смеялась и радостно повизгивала. Но что-то Куизлю подсказывало, что их матери задумка Пауля вряд ли понравится.

Палач остановился, чтобы перевести дух, и внук тут же принялся подгонять его:

– Давай, дедушка! Не останавливайся!

Уже в свои восемь лет Пауль был крупнее и сильнее старшего брата Петера. Телосложением он явно пошел в деда. Конечно, иногда мальчик бывал слишком уж буйным и задиристым, но уже сейчас Якоб видел в Пауле достойного преемника. Семейное ремесло было у мальчика в крови. Он уже два раза наблюдал за казнью, а пару недель назад помогал деду вязать узлы перед повешением.

Куизль вытер холодный пот со лба.

– Твой дед уже не молодой жеребец, а старый мерин, – проворчал он и подмигнул внуку. – Подожди, вот дай мне отдохнуть, и я расскажу тебе, кого мы повстречаем на следующей неделе в Мюнхене.

Пауль просиял.

– Там будет много палачей, да? И они сильнее тебя?

– Ха! Нет никого сильнее твоего деда. И ты это знаешь.

Куизль свирепо рассмеялся и взял на руки Софию. Девочка захныкала в своем свертке – видимо, ей снова захотелось покататься по льду. Палач вложил ей в рот влажный лоскуток и уложил рядом со снеговиком, которого они слепили с Паулем. Затем повернулся к внуку.

– На следующей неделе в Мюнхене соберутся самые известные и лучшие палачи Баварии, – начал он низким голосом. – Из Регенсбурга, из Пассау, даже из Нюрнберга! И твой дед тоже будет среди них. Должен сказать, это большая честь.

Приглашение в Совет Двенадцати действительно преисполняло Якоба чувством гордости, хоть он и старался не показывать этого. Куизль давно считался хорошим палачом – возможно, одним из лучших в Баварии. Кроме того, он был выдающимся целителем; а уж о его вспыльчивом нраве, остром уме и упрямстве буквально ходили легенды. При этом некоторые из собратьев по цеху считали его слишком мягким. До сих пор усилиями некоторых членов Совета Куизль не попадал в его состав. Только раз, больше десяти лет назад, он получил приглашение на встречу в Нюрнберге, но в Совет Двенадцати его так и не приняли.

– Довольно долго баварский курфюрст не позволял палачам устраивать встречи, – пояснил Куизль, усевшись на снег рядом с Паулем. – Потому что мы нечестивцы. Но всем гильдиям необходимо время от времени собираться, и мы, палачи, не исключение.

– Я тоже хочу стать однажды хорошим палачом, – проговорил Пауль серьезным голосом. – Как ты и дядя Бартоломей. Или Георг, – он с мольбой в глазах посмотрел на Куизля. – Георг ведь тоже приедет в Мюнхен?

Якоб хмуро кивнул.

– Да, Георг тоже там будет. И дядя Бартоломей.

«К сожалению», – добавил он про себя.

Много лет ему не давало покоя то обстоятельство, что младший брат, в отличие от него, состоял в Совете. Якоб с Бартоломеем не ладили еще детьми. Много лет назад тот уехал в Бамберг и с тех пор занимал там должность палача. В Бамберге же закончил свое учение и сын Якоба, Георг, – и там он собирался остаться. Куизль так и не оправился от этого разочарования. Но теперь у него хотя бы появится возможность повидаться с сыном. Целый месяц он предвкушал эту встречу, хоть сам ни за что в этом не сознался бы.

– Георг уж точно покажет мне, как следует рубить головы! – радостно воскликнул Пауль. – Может, мы даже поупражняемся на свеклах или козьих тушах – у них позвонки крепче всего. Ты ведь сам говорил!

– Хм, посмотрим, – ответил Якоб. – Нам, знаешь ли, надо много чего обсудить в Мюнхене. Появились новые законы, мы давно не собирались...

– А вообще, я прямо сейчас могу снести голову, – перебил его Пауль. – Смотри.

Он поднял обледенелую палку и ударил недавно слепого снеговика. Одним точным ударом мальчик отделил голову с угольными глазами от круглого туловища. Снежный шар

откатился к пруду и остановился там, криво ухмыляясь. Но Пауль на этом не успокоился. Он колотил снеговика палкой, пока от того не остались лишь комья снега вперемешку с грязью.

Куизль поневоле вздрогнул. Иногда его пугала кровожадность внука. Сам он воспринимал свое ремесло как нечто необходимое и никогда не получал от этого удовольствия – напротив, довольно часто испытывал отвращение, которое с возрастом лишь усиливалось.

«И все-таки кто-то должен этим заниматься, – подумал Якоб. – Уж лучше я, чем какое-нибудь чудовище».

Он снова взглянул на внука. Пауль теперь плясал на куче грязного снега и распевал какую-то детскую песенку. Гнилая свекла, служившая снеговiku носом, оказалась растоптана.

– Так вот вы где! А я вас повсюду ищу...

Куизль обернулся на голос: со стороны дома быстрым шагом приближалась Магдалена.

Палач поднялся и отряхнул снег с одежды.

– А мы тут гуляем, – отозвался он. – Печь в комнате плохо тянет и дымит. Холодный воздух пойдет детям на пользу.

Якоб предостерегающе взглянул на Пауля. Они заранее договорились, что ни словом не обмолвятся о гонках по льду с маленькой Софией. Оставалось только надеяться, что внук не нарушит договоренности. В противном случае Куизля ждала крепкая отповедь.

– Надеюсь, ты хорошо укутал малышку, – произнесла Магдалена строгим голосом.

Якоб молча показал на шерстяной сверток возле снежной кучи. Магдалена была единственной, кому позволялось разговаривать с палачом в таком тоне. Ей и когда-то его любимой жене, Анне-Марии, которой не стало несколько лет назад.

София тихонько захныкала. Магдалена наклонилась к дочери и осторожно взяла ее на руки, привлекла к себе. А потом вдруг сморщила нос.

– Ты что, опять...

Она вынула кусочек ткани изо рта Софии, понюхала и отметила с отвращением:

– Шнапс. Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не успокаивал ее настойками?

Куизль пожал плечами.

– Так еще мои родители делали. Там всего-то пара капель... Не понимаю, что в этом плохого.

– А я тебе в последний раз говорю, что мне не нужен пьяный ребенок, – возразила Магдалена. – Мне и без того хватает забот с Софией и Петером. Петер, кстати, сидит у тебя, я дала ему пастушьих сумок. Его опять поколотили в школе.

Она вздохнула и покачала головой, потом показала в сторону дома.

– Пойдемте-ка лучше в тепло. София уже слишком долго на холоде. Кроме того, ее надо покормить.

По тропинке, протоптанной в грязном снегу, они пошли к дому. С тех пор как Магдалена с семьей перебралась в город, с отцом в его доме жила лишь восемнадцатилетняя Барбара. Она готовила для него, стирала вещи, ухаживала за курами и коровой в пристроенном сарае, работала в огороде. Внешне дом выглядел довольно неухоженным: на крыше не хватало дранки, краска местами облупилась. Но внутри Барбара старалась поддерживать чистоту.

Петер сидел на скамье у печи и, как это часто бывало, листал книгу из скромной библиотеки деда. Кровь из носа уже не текла, но мальчик по-прежнему был очень бледен. Он лишь на секунду поднял глаза, когда Пауль пододвинул к себе миску с холодной кашей и принялся с аппетитом поглощать остатки их совместного завтрака. Магдалена между тем устроилась за столом и стала разворачивать Софию из тряпок и шкур.

У девочки были голубые глаза и угольно-черные волосы. Если наклониться к ее лицу, мягкому и вечно смеющемуся, можно было почувствовать запах меда и молока. При этом она весело повизгивала и дергала ножками. Если не присматриваться как следует, то заметить было сложно – но Куизль смотрел на нее слишком часто, чтобы упустить это из виду.

Правая нога ее была свернута внутрь и имела небольшое утолщение, а пальцы странно искривлены.

У Софии было косолапие.

Девочке было четырнадцать месяцев, другие дети в этом возрасте начинали ходить. София, скорее всего, и во взрослой жизни не сможет полноценно ходить. Куизль с Симоном каждый день растягивали ей сухожилия, и всякий раз это сопровождалось плачем и душераздирающими криками. Но оба они понимали, что ногу таким образом не выпрямить. И что хуже всего – им не удалось избежать сплетен, в городе уже говорили об изъяне Софии. А для людей такое косолапие было не просто дефектом – тем более что дедом ее был самый настоящий палач.

В Шонгау многие считали, что София отмечена дьяволом.

С древних времен сатана изображался рогатым и хромоногим. Да, он мог принять любое обличье, мог превратиться в красивого юношу или милую девуцу. Но, как бы он ни старался, его всегда выдавала хромота.

София всю жизнь будет хромать, точно дьявол.

Магдалена наконец-то успокоилась и повернулась к отцу, молча сидевшему за столом.

– Кстати, где Барбара? Я с утра ее не видела. Она бы тоже могла присмотреть за Софией.

Куизль поджал губы, он ждал этого вопроса. Магдалена верно истолковала его молчание.

– Вы опять поссорились, так?

– Она сказала, что не хочет в Мюнхен. Сказала, что я ей не указ. Собственной дочери не указ, ха! – Палач сплюнул на устланный тростником пол, потом достал трубку и принялся тщательно ее набивать. – Она просто упрямая, сварливая девка, – проворчал он. – А все потому, что у нее до сих пор нет мужа, который научил бы ее манерам.

– Она упрямая и сварливая, как и ее отец, – вздохнула Магдалена.

Куизль снова промолчал. В последнее время они с Барбарой ссорились почти каждый день. Якоб с радостью отдал бы младшую дочь за шонгауского могильщика, а может, за живодера – последний уже два раза дарил ей букеты из васильков. Но Барбара была упряма и слушаться не собиралась. В городе ее считали беспутной девицей и говорили, что она якшается с парнями из соседних деревень или проезжими подмастерьями. Барбара часто и помногу танцевала, и ей словно не было никакого дела до собственной репутации. Тщетно Куизль взывал к ее совести.

Что ж, следовало признать, в своих уговорах он часто переходил на крик.

Но ничто не могло переубедить Барбару. А в последнее время она стала слишком уж раздражительной и часто замыкалась в себе. Казалось, что-то тяготило ей душу. Но всякий раз, когда дело касалось женских чувств, Куизль чувствовал себя беспомощным. Так было и с его возлюбленной женой, Анной-Марией, и с дочерьми. Новость о предстоящей поездке в Мюнхен Барбара приняла без особого воодушевления.

И в особенности тот недвусмысленный намек, сделанный палачом.

«Наверное, следовало сказать об этом как-нибудь помягче», – подумал Якоб.

– И когда ты видел ее в последний раз? – спросила Магдалена, вырывая Куизля из раздумий.

Палач склонил голову.

– Хм... утром. Она еще расплакалась, дуреха. А я ведь только и сказал, что...

Он запнулся.

– Что? – не унималась Магдалена.

– Ну, что она поедет с нами в Мюнхен и там я подыщу для нее мужа.

Дочь уставилась на него в изумлении.

– *Что* ты ей сказал?

Куизль пожал плечами.

– Черт возьми, да при такой встрече представится лучшая возможность для помолвки! Многие палачи так поступают. Вот увидишь, от желающих отбоя не будет. При ее-то внешности Барбара станет отличной партией, особенно теперь, когда меня избрали в Совет. Так будет лучше для всех нас.

– И ты еще удивляешься, почему она сбежала? Ты... ты... – Магдалена поджала губы и сделала глубокий вдох. – Где она теперь?

– Убежала к Кошачьему пруду. Только... – Якоб замер на полуслове. Ему вспомнились слова, брошенные Барбарой, прежде чем она сбежала.

Не думай, что меня можно сбить, как корову на рынке! Я скорее сама себе могилу вырою...

– К Кошачьему пруду! – выдохнула Магдалена. – Да ведь пару недель назад там выловили девушку!

– Что еще за глупости? – Куизль рассмеялся, но прозвучало это скорее как клекот. Он вдруг почувствовал ужасную слабость и беспомощность. – Ты ведь не думаешь, что моя Барбара... что она... – Он не выдержал и ударил кулаком по столу. – А, черт! Пусть только попробует, я... я...

Но Магдалена уже не слушала его. Она повернулась к Петеру, все еще погруженному в чтение, и вручила ему Софию. Девочка снова заплакала.

– Присмотри за ней! Я скоро вернусь. А ты, отец, молись, чтобы Барбара не натворила глупостей!

И дочь палача бегом бросилась к Кошачьему пруду.

Куизль выругался про себя и поспешил за Магдаленой, бегущей через обледенелое поле.

* * *

Симон закрыл дверь за последним из пациентов и глубоко вздохнул. Кое-кого из больных он пообещал принять завтра, других отправил домой, снабдив дешевым сиропом из плюща и меда. Время и тишина, вот что ему сейчас требовалось. И в том, и в другом Симон испытывал недостаток, особенно в эти холодные дни, перед Сретением Господним. Ну почему все норовят заболеть в одно и то же время! Как будто всякий раз сговариваются между собой...

Потребовалась вся сила убеждения, чтобы утихомирить Йозефа Зайлера. Но в конце концов толстяк все же позволил взрезать ему фурункул. Правда, сопровождалось это страшной руганью в адрес всех нахальных баб – и жены лекаря в частности. Так или иначе, после операции Зайлер заплатил три серебряных талера – Симон и за целый день столько не зарабатывал.

Он никак не мог понять, что же такое нашло на Магдалену. Неужели она не понимала, что своим острым языком могла лишить их заработка? За жилье приходилось платить огромные деньги. А многие из состоятельных горожан по-прежнему избегали нового лекаря – и не в последнюю очередь из-за его жены, дочери палача, которую многие обходили стороной. И тем не менее Фронвизер понимал, что и сам был не прав. О чем он только думал, утверждая, что Магдалена не хочет показываться с Софией на людях? Симон решил сегодня же вечером попросить у нее прощения.

Измотанный лекарь вернулся в процедурную, чтобы навести там порядок. На столе остались окровавленные тряпки и скальпель, которым он взрезал фурункул. Рядом стояли несколько испачканных склянок для мочи, валялась пара ножей и грязный пинцет. Симон снял с очага кувшин с кипящей водой, налил в тазик и опустил туда скальпель, ножи и пинцет, после чего принялся тщательно очищать их. Он повторял этот ритуал каждый вечер уже в течение года.

До сих пор о его пристрастии к чистоте знали только Магдалена и кое-кто из хороших знакомых. Старая знахарка Марта Штехлин, время от времени помогавшая ему в работе, счи-

тала очистку инструментов бестолковым занятием. Симон справедливо полагал, что и многие другие в городе придерживались того же мнения. Грязь была так же естественна для человеческого тела, как кровь и слюна. Старый цирюльник в Альтенштадте и вовсе прописывал мышиный помет против вздутия и кладбищенскую землю от прострелов. Даже уважаемые врачи использовали яичный желток и плесневелый хлеб при ожогах или ампутациях. Так что же плохого могло быть в испачканных инструментах?

Но Симон в последнее время стал замечать, что раны заживают лучше, если работать чистыми инструментами. Доходило до того, что лекарь мыл руки, перед тем как приступить к работе. Впрочем, делал он это тайком, поскольку опасался прослыть шарлатаном. Но и эта мера, казалось, оправдывала себя. Правда, доказать это Фронвизер не мог.

Возможно, когда-нибудь это станет возможным. Однажды, когда Петер станет врачом, и...

При мысли о старшем сыне Симон вздрогнул. В суматохе дня он и забыл, что еще недавно мальчик стоял перед ним с разбитым носом... Что ж, немного пастушьих сумок и слова утешения от мамы сделают свое дело. Там не было ничего серьезного. Совсем иначе обстояло с маленькой Софией: она еще долго будет нуждаться в их помощи. Тем не менее Симон решил впредь больше времени уделять сыновьям. В особенности Петеру, которого, судя по всему, обижали в школе. Поездка в Мюнхен даст для этого отличную возможность.

Но прежде следовало завершить работу, ради которой Симон и закончил раньше времени сегодняшний прием. Обстоятельства складывались благоприятно: Магдалена с детьми пока не вернулись, и наконец-то у него появилось несколько спокойных минут, столь необходимых, чтобы записать последние строки.

Фронвизер расставил на полке отмытые склянки и прошел в общую комнату. За окнами начинало смеркаться, и лекарь зажег лучину, чтобы лучше видеть. На полке рядом с распятием хранились несколько медицинских книг и папка, полная нескрепленных страниц. Многие листки были перепачканы, испещрены зачеркнутыми и переписанными строками. На первой странице жирным шрифтом значилось название рукописи. Симон удовлетворенно кивнул. Что ж, хотя бы это не вызывало нареканий. Звучало очень даже неплохо, а последнее предложение нравилось ему особенно.

De Rebus Sanitariis et Sanitate Adnotationes Auctore Doctore Simon Fronwieser.

Вот уже два года Симон работал над своим трактатом о чистоте и здоровье. Примерно на пятнадцати страницах изложил он свои наблюдения. Недоставало лишь подходящего заключения. И рекомендации известного по всей Баварии врача. Иначе кто станет читать работу неизвестного лекаря из провинциального городка?

Поначалу, когда Куизль попросил сопроводить его в Мюнхен, Симон особого воодушевления не испытал. Конечно, поездка намечалась на Сретение Господне – в эти дни все получали годовое жалованье, и всякая работа прерывалась. Только поэтому судебный секретарь и позволил Куизлю покинуть Шонгау. Однако Симон не горел желанием сидеть в каком-нибудь кабаке в обществе палачей, смотреть, как они хлещут пиво и бранятся. Но потом его словно осенило.

Рекомендация известного по всей Баварии врача...

Фронвизер знал одного такого врача, в Мюнхене. Если удастся убедить его в справедливости своих размышлений, то опубликовать трактат уже не составит труда. Его труд будет напечатан – с его именем на обложке! Ученый мир будет зачитываться им, даже высокоумные доктора из Рима и Авиньона! Не говоря уже о профессорах в Университете Ингольштадта, откуда Симону пришлось в свое время уйти из-за нехватки денег. Ха, наконец-то они поймут...

Яростный стук в дверь оборвал его фантазии как раз в тот момент, когда Симон взялся за перо.

Лекарь решил не открывать в надежде, что незванный гость все-таки уйдет. Нахмутив лоб, он задумался над построением фразы, но стук становился все громче. В конце концов Симон не выдержал и, сердито отложив перо, направился к двери.

– Да Боже правый! – крикнул он. – Иду уже!

Лекарь отворил дверь – и с первого взгляда понял, что на счету каждая секунда.

* * *

Магдалена мчалась так, словно сам дьявол гнался за ней по пятам.

Краем глаза она заметила отца, бегущего следом за ней к Кошачьему пруду. Женщина остановилась бы и как следует выругала старика, но страх за сестру подгонял ее. В способности к сочувствию он ничем не отличался от каменной глыбы! Вероятно, отец в строгой и лаконичной манере заявил дочери, что в Мюнхене она познакомится со своим будущим мужем, хочет она того или нет. Неужели он не понимал, что это значит для Барбары? Тем более что в последнее время она стала такой замкнутой... Несколько раз Магдалена пыталась поговорить с сестрой, но всякий раз натыкалась на стену молчания. Она, конечно, догадывалась, в чем тут дело, – и теперь пришло время проверить свое предположение.

«Если еще не слишком поздно», – подумала Магдалена.

Дочь палача мчалась на восток, через замерзшие пашни, потом сквозь небольшой перелесок и, наконец, выбежала к пруду. Расположенный на той же высоте, что и старый замок, он был куда больше, нежели пруд за отцовским домом. Сквозь покрытый снегом лед торчали бледно-желтые островки тростника, и стебли перешептывались на ветру. Еще ребенком Магдалена возненавидела это мрачное место. В городе оно считалось проклятым, и люди обходили его стороной. Здесь часто топили маленьких котят, поэтому пруд и называли Кошачьим.

Здесь же нашли свою смерть немало девушек.

Магдалена поежилась, глядя на черную ледяную поверхность. Если для мужчин основным способом казни было повешение, то женщин, в особенности детоубийц, в основном топили. Палач связывал бедную грешницу, вкладывал ей в рот железный кляп и с помощью длинных деревянных вил погружал в воду. Иногда их сажали в мешок. А поскольку женщины то и дело всплывали, казнь могла продолжаться довольно долго.

По этой причине в Шонгау, стараниями Куизля, такой способ казни отменили еще несколько лет назад. Тем не менее молодые девушки то и дело приходили в это жуткое место, чтобы свести счеты с жизнью. Последний такой случай произошел всего пару недель назад. Анне Визмюллер, служанке из Халлербауерна, едва исполнилось шестнадцать. Бедняжка забеременела против своей воли и рассказала об этом только своей сестре. В отчаянии девушка бросилась в воду, а кто был отцом ребенка, так и не узнали...

Запыхавшись, Магдалена остановилась и оглядела берег. По укрытому снегом льду скользили последние солнечные лучи. На маленьком ветхом причале, что с незапамятных времен вдавался в воду, сидела девушка.

Это была Барбара.

Магдалена с облегчением вздохнула и перекрестилась. Худшие из ее опасений не оправдались. С другой стороны, действительно ли она опасалась, что Барбара бросится в воду? Вполне возможно, что Магдалена ошибалась и в своем предположении – порой очень сложно было понять, что же творится у сестры на душе. Единственным, кто без труда понимал Барбару, был ее брат-близнец Георг. Но он вот уже шесть лет жил у дяди в Бамберге...

Отец между тем тоже подбежал к пруду. Он обогнул его с другой стороны, так что они оказались у причала почти одновременно. Но гораздо раньше Магдалена услышала громовой голос отца, разносившийся над берегом.

– Дьяволищина, будь оно все неладно, ты хоть представляешь, как мы переволновались? – гремел он, раскрасневшийся от бега. – Черт возьми! Что ты вообще здесь забыла, одна? Потрудись объяснить!

– Мне что же, запрещено одной выходить из дома? – съязвила в ответ Барбара.

Глаза у нее были заплаканные. На щеках, несмотря на холод, выступил румянец, но выглядела она бледной и явно мерзла в своем тонком плаще. Далеко не впервые Магдалена отметила, до чего же красивой была Барбара. Угольно-черные волосы, густые брови – сестры были очень похожи, хотя Барбара казалась более дикой и необузданной. Поэтому местные парни называли ее дьяволицей.

– Или я *опять* что-то сделала не так? – продолжала Барбара, глядя на отца. – Не так вымела комнату, не тем зерном накормила кур или неправильно подоила корову? В этом все дело? Ну, говори же!

– Отец просто беспокоился за тебя, – попыталась уговорить ее Магдалена, укрыв своим плащом.

Она вполне понимала недовольство сестры. Действительно, непросто было уживаться под одной крышей с ворчливым стариком, Магдалена знала это по себе. Хотя бы поэтому Барбаре следовало найти жениха – пока не произошло какого-нибудь несчастья.

– Как ты вообще разговариваешь со мной? – рявкнул Куизль на младшую дочь. – Ну, подожди, скоро с этими отговорками будет покончено. Вот...

– Не нужны мне твои безмозглые палачи! – прошипела Барбара. – Выкинь из головы эту мысль!

– А что в этом плохого? – Куизль пожал плечами. – Это все достойные люди. Не голово-резы какие-нибудь, не живодеры и не могильщики. Палач Видман в Нюрнберге зарабатывает столько, что мог бы позволить себе пару доходных домов! А сколько еще бойких подмастерьев... – Он попытался ободряюще подмигнуть, но получилось неважно. – Крепкие, красивые парни. Не какие-нибудь тощие селетки вроде моего зятя.

– Это уже явный перебор, – вмешалась Магдалена. – Симон, между прочим, пробился в лекари и...

Она замолчала, заметив, как вспыхнули глаза у Барбары. И кто ее только за язык тянет! Сестра постоянно упрекала Магдалену в том, что та, будучи старшей, живет в счастье и достатке, замужем за человеком, который стал городским лекарем, да еще имеет троих детей. Между тем как она, Барбара, вынуждена подметать в отцовском доме и выслушивать его ругань.

– Ты бы лучше оставил нас ненадолго, – обратилась Магдалена к отцу. – Как видишь, ничего худого не случилось. Остальное предоставь мне, это женские дела.

Куизль погладил обледенелую бороду и в конце концов кивнул.

– Ладно. Только не думай, что открутится от поездки в Мюнхен. Мы найдем для Барбары жениха, и точка!

Та попыталась было возразить, но Магдалена сжала ей руку.

– Хорошо, папа, – проговорила она. – Ступай.

– Так будет лучше всего. Поверь мне, Барбара, – пробормотал Якоб, не глядя на дочь. – Лучше всего. Ты потом еще спасибо мне скажешь.

С этим словами он развернулся и побрел обратно к Леху.

Магдалена немного выждала, потом погладила Барбару по волосам.

– Может, тебе и вправду стоит посетить с нами Мюнхен? Не такая уж и плохая идея, – начала она мягко. – Можно ведь просто посмотреть на парней. А если тебе никто не понравится, ты хотя бы побываешь в Мюнхене. Говорят, там появился настоящий театр... Не в трактире, а в отдельном каменном здании! А жена у курфюрста – итальянка, и с тех пор, как она поселилась в Мюнхене, там бывают люди со всего света. Музыка, танцы, сады...

– Ты... ты совсем не понимаешь! – выдавила Барбара. – Я не могу!

Она залилась слезами, все ее тело вздрагивало, как под ударами.

Магдалена обхватила ладонями голову сестры и твердо посмотрела ей в глаза.

– Барбара, поговори со мной. Что случилось? Ты которую неделю уже ведешь себя странно... Поговори же, наконец, со мной!

Плач сменился истерическим смехом. Барбара оттолкнула Магдалену.

– Ты не замечаешь, правда? – выкрикнула она. – Ты знахарка, сама родила троих детей – но ничего не замечаешь! Да и с чего бы? Я всего-навсего младшая сестра, прибираю за отцом... И почему я только не избавилась от него, как от нечистоты? Почему? Теперь уже слишком поздно!

В этот момент Магдалена поняла, что не ошиблась в своем предположении.

Она права. Я должна была заметить намного раньше! Ну почему мы не поговорили?

– Боже правый! – выдохнула она. – Ты... ты беременна...

Барбара пролила столько слез, что теперь даже не всхлипнула. Но ее молчание говорило красноречивее всяких слов. Довольно долго сестры сидели в полной тишине, и слышен был только шорох ветра в прибрежных ивах.

– Кто отец? – спросила наконец Магдалена.

Барбара шмыгнула носом.

– Помнишь жонглеров, которые проезжали здесь в начале зимы? И того задорного парня с золотистыми волосами, и как он высоко подбрасывал мячи на праздник Освящения церкви? – Она обреченно рассмеялась. – Ну и везет же мне на всяких пройдох!

– Но ты ведь с ним не... – начала Магдалена.

– Я ему говорила, что не хочу! – перебила ее Барбара. – На сеновале, то и дело говорила. Сначала все было хорошо, но потом... потом он перестал слушать. Я отбивалась, но он схватил меня, зажал рот ладонью и взял, как... как собачонку! Я ничего не могла сделать. Он рассмеялся и сказал, что я сама этого хотела. А потом сбежал. Это был первый раз после... после...

Барбара не договорила и всхлипнула без слез. Лишь через некоторое время она нашла в себе силы продолжить.

– Жонглеры давно уехали, и только потом я поняла. Я... как будто окаменела. Я плакала целыми днями, тайком, в кровати, в лесу, чтобы вы ничего не заметили. Какой стыд... – Барбара утерла подступающие слезы. – Потом я решила избавиться от него. Но... стояла зима, и в лесу не было трав. К кому бы я пошла за отваром из можжевельника или сушеным морозником? К старой Штехлин? Она и без того все уши мне прожужжала из-за этих парней. Или, может, к отцу? – Младшая сестра горестно рассмеялась. – Он бы ни за что не поверил, что я отдалась не по своей воле! Никто мне не поверил бы!

– Тебе следовало пойти ко мне, – тихо проговорила Магдалена. – Я бы тебе помогла.

Долгое время она помогала знахарке Штехлин, и теперь к ней, уже лекарской жене, постоянно приходили люди – за травами или женским советом.

А вот собственная сестра не пришла...

– Я... я хотела, правда, – запинаясь, проговорила Барбара. – Сколько раз я приходила к вам, и каждый раз мне что-нибудь мешало... Один раз в комнате был Симон, и он так странно посмотрел на меня... потом ребятам хотелось со мной поиграть, или София начинала плакать... Я ждала и откладывала дело в надежде, что все обойдется. А теперь, боюсь, уже слишком поздно. – Барбара опустила голову. – У меня уже третий раз не идет кровь.

Магдалена тихо простонала. «Поздно, – подумала она. – Слишком поздно».

Спровоцировать выкидыш при помощи можжевельника, морозника или пижмы, чтобы при этом не навредить себе, было возможно лишь в первые недели беременности. Если девушку ловили в эту пору, ей грозили лишь денежный штраф, позорный столб или изгнание из города. Но чем больше они тянули, тем опаснее становилось применение таких трав. И дело

не только в том, что девушка могла умереть под действием яда, – следовало быть готовой к смертному приговору. При этом знахарке или торговке, продавшей эти травы, также грозили петля или утопление в мешке. По этой причине молодые девушки в отчаянии убивали младенцев сразу после рождения, душили и закапывали в надежде, что никто не заметил их беременности. Другие протыкали себе живот иглами и зачастую убивали не только нерожденного ребенка, но и себя. Отец как-то рассказывал Магдалене, что женщины намного чаще оказывались на эшафоте за детоубийство, чем за колдовство.

Но она также понимала, что Барбара не способна на подобное убийство. Особенно теперь, когда маленькая София каждодневно напоминала ей, насколько хрупок и раним этот маленький человечек.

– Что сделано, то сделано, – произнесла Магдалена через некоторое время, и черты лица ее обострились. – Ребенок у тебя в животе, и, если будет на то воля Господа, через полгода ты родишь... – Она чуть помедлила, потом решительно кивнула. – Все-таки хорошо, что ты поедешь с нами в Мюнхен. Мы сможем подыскать тебе жениха.

Барбара устала на нее в ужасе.

– Но... как ты себе это представляешь? Я беременна...

– Пока еще на третьем месяце. Если выйдешь замуж сейчас, никто и не задумается, от кого ребенок на самом деле. Но придется найти жениха в Мюнхене. Отцу знать об этом не следует, ни в коем случае. Симону, впрочем, тоже. Это останется между нами, – Магдалена взяла Барбару за руку и крепко пожала ее. – Я прослежу, чтобы в мужья тебе не достался какой-нибудь монстр, обещаю. Даю тебе слово старшей сестры.

– К черту, не стану я выходить замуж ни за каких палачей! – закричала Барбара. – Сколько раз еще повторять? Выкиньте эту идею из головы! Отец, ты, даже Штехлин – все пытаются указывать мне, что делать и как жить... Просто оставьте меня в покое!

– А ты снова будешь выжидать, как ждала все эти недели? – стояла на своем Магдалена. – Хочешь ждать, пока ребенок не появится на свет? Нечестивая дочь палача с внебрачным ребенком? Тебя прогонят из Шонгау, как дворнягу, как поступали со всеми незамужними матерями! И это еще не всё. Ты хоть подумала, что это значило бы для семьи? Особенно для отца?

– Что это за семья такая? – прошипела Барбара. – Семья нечестивцев... Люди бегут от нас, как от чумы!

– И все-таки это твоя семья, – тихим голосом ответила Магдалена. – Другой у тебя нет.

До них вдруг донесся тихий, тонкий плач. Магдалена оглянулась и увидела Петера, он шел к ним по снегу с маленькой Софией на руках.

– Мама, клянусь тебе, я ничего не делал! – заверил сын. – Она просто плачет без конца. Я даже пытался читать ей вслух.

– Болван, – Магдалена улыбнулась, несмотря на мрачное настроение. – Если малютка плачет, то она либо голодна, либо запачкала пеленку. Я ее уже покормила, – она взяла к себе Софию и сморщила нос. – Значит, второе.

Дочь палача осторожно положила Софию на доски причала и размотала шерстяной сверток, куда Петер завернул ее перед выходом. Как она и опасалась, сложенный под попой платок оказался мокрым и грязным. Только вот второй пеленки у Магдалены с собой не было.

– На, возьми, – Барбара неожиданно шагнула к ней из-за спины. Она перестала плакать и теперь протягивала сестре платок. – Моя косынка, потом ведь можно постирать...

Магдалена с благодарностью взяла платок и завернула в него Софию. Малютка снова была довольна, что-то лепетала и тянула руки к маме.

– Она такая красивая, – прошептала Барбара, и грусти в ее голосе уже не было. С первого же дня, когда она помогала знахарке Штехлин принимать роды, между ней и Софией установилась особенная связь.

– Хотя вряд ли ей удастся потанцевать на собственной свадьбе, – с горечью отметила Магдалена. – С ее-то ногой...

– Значит, останется незамужней, как ее тетя, – отозвалась Барбара со слабой улыбкой. – Меня тоже называют дьяволицей, – она сухо рассмеялась и смахнула слезы. – Две дьяволицы – Барбара и София! Ну как, звучит?... По мне, так пусть все мужчины убираются к дьяволу!

Она нагнулась к Софии, погладила ее по мягкой щеке и тихо сказала:

– Никогда не связывайся с парнями. От них только слезы и горе.

* * *

Перед дверью стояли двое мужчин и молодая женщина. Симон смотрел на них в свете уходящего дня, и холодный ветер задувал снегом в коридор.

На старшем из мужчин был плащ, подбитый медвежьим мехом, и шапка из беличьих шкурок. Его молодой спутник был облачен в красно-желтые шерстяные одежды. Мужчины с трудом поддерживали женщину, судя по всему, очень слабую. Совершенно бледная, она едва держалась на ногах, глаза ее были закрыты; по лицу, несмотря на морозный ветер, струился пот. Одежда на ней, как и на мужчинах, была дорогая. Сквозь сумерки Симон разглядел за ними карету с двумя запряженными лошадьми.

– Нам сказали, что здесь проживает городской лекарь, – с серьезным выражением произнес старший из мужчин. Он говорил с каким-то странным акцентом. Фронвизер решил, что они родом из южных городов по ту сторону Альп. Старик заглянул в коридор, словно надеялся еще кого-то увидеть.

– Хм, это я и есть, – ответил Симон. – Что я могу сделать для вас?

Незнакомец нахмурился и оглядел лекаря – он был почти на голову выше. Симон с детства терпел насмешки из-за своего незначительного роста. Чтобы хоть как-то компенсировать этот изъян, он носил сапоги на высоких каблуках и причудливые шляпы.

– Уж больно вы молоды для доктора... – начал старик.

– Моей жене срочно нужна ваша помощь, – перебил его молодой; он также говорил с южным акцентом. – Несколько дней назад она родила здорового мальчика, – он показал в сторону кареты. – Сейчас о нем заботится нянька. Мы были по делам в Мюнхене и, в общем-то, думали, что вернемся в Верону до родов... – Он вздохнул и покачал головой. – Но ребенок родился еще в Ландсберге, намного раньше срока.

– Почему же вы не остались в Ландсберге? – поинтересовался Симон.

– Мы и так потеряли много времени, – проворчал старик. – В Вероне нас ожидает куча дел. Я говорил, что ей не следует ехать с нами. Но она, как обычно, не пожелала слушать, ей непременно хотелось попасть к мюнхенскому двору... И вот что из этого вышло! – Он ткнул Симона в тощую грудь. – Вы можете нам помочь? Да или нет? У нее, видимо, лихорадка. Дайте нам какое-нибудь средство, чтобы можно было как можно скорее убраться из этих неприглядных мест.

«Если это то, о чем я думаю, тут не поможет никакое жаропонижающее», – мрачно подумал Симон, глядя на женщину в полуобморочном состоянии. Однако он промолчал. Непохоже, чтобы старик был расположен к долгим дискуссиям с провинциальным лекарем. Симон решил, что отец с сыном были богатыми чужеземными купцами, возможно даже, из низшего дворянства. Единственное, чего он сможет здесь добиться, это разочарование – а то и вовсе судебный процесс, если женщина умрет под его надзором. Но с другой стороны, ему было бесконечно жаль ее. Он представил на месте женщины Магдалену. Или Барбару. В общем-то, такое могло случиться с каждой женщиной.

Во всяком случае, с каждой, которой доводилось рожать.

– Внесите ее в дом, – сказал наконец Симон. – Посмотрю, что тут можно сделать.

Мужчины внесли женщину в процедурную. Там в углу стояла узкая жесткая кушетка. Старик пренебрежительно оглядел покосившиеся полки с инструментами, потертыми склянками и древними банками для лекарств, которые достались Симону еще от отца.

– Может, нам все-таки стоило доехать до Фюссена, – проворчал он.

Симон хотел было нагрубить в ответ, но вовремя одумался. Вместо этого он склонился над женщиной, пощупал пульс и проверил рефлексy.

– Кто принимал роды? – спросил лекарь и осторожно расстегнул плащ молодой матери.

– Зна... знахарка в Ландсберге, – неуверенно ответил ее супруг, наблюдая за действиями Симона.

– *Maledetto!*¹ Что вы себе позволяете! – возмутился его отец, когда Симон приподнял женщине юбку. – Лекарь вы или какой-то похабник?

– Мне нужно осмотреть ее, чтобы получить хоть какое-то представление о случившемся, – пояснил Симон.

Мужчина чуть поколебался и в конце концов нехотя кивнул.

– Только не вздумайте копать там своими ножами, – проворчал он.

Фронвизер задернул тонкую дырявую занавеску, отгородившись от мужчин, и приступил к осмотру пациентки. У врачей существовали строгие различия между учеными лекарями и обученными хирургами. Лишь последним разрешалось прибегать к хирургическому вмешательству, в то время как ученые лекари, к которым относился и Симон, зачастую ограничивались лишь внешним осмотром. Но, освободив промежность от окровавленных тряпок, он понял, что хирургическое вмешательство тут не поможет. Комната наполнилась скверным гниловатым запахом. Симон услышал, как старик за занавеской брезгливо выдохнул.

Симон вытер руки и вышел к мужчинам.

– Как долго она отдыхала после родов? – спросил он, поджав губы.

Молодой муж пожал плечами. Фронвизер видел, что его мучает совесть. Тревога и беспокойство прочертили на юном лице глубокие морщины.

– Примерно неделю, – ответил он тихо. – Отец счел необходимым...

– У нас в Вероне хорошие врачи, – прервал его старик. – Или мне следовало оставить ее у старой карги, в этой вонючей дыре? Все равно мы не можем позволить себе такую долгую отлучку. Мой сын нужен мне в конторе.

– Ей следовало лежать по меньшей мере три недели, – возразил Симон. – У нее воспалилось лоно после родов.

– Так дайте нам что-нибудь! – вскинулся на него старик. – Врач вы или жалкий шарлатан?

Фронвизер, промолчав, снова скрылся за занавеской и, вымыв предварительно руки, теплой водой очистил промежность женщины. Но он подозревал, что уже слишком поздно. Сколько раз приходилось ему наблюдать подобное! В большинстве своем роженицы умирали от странной лихорадки в первые недели после родов. Врачи полагали, что в теле женщины начинали закисать какие-то вещества, еще неисследованные. Но Симон был убежден, что эти вещества попадали в тело намного позже. Он упоминал об этом в своем трактате. Правда, доказать Фронвизер пока ничего не мог, это были только предположения.

Лекарь сделал повязку из чистых тряпок и завернул в нее листья высушенного тысячелистника, арники и живокоста, чтобы уменьшить воспаление. Потом осторожно одел женщину. Та слабо постанывала.

– Необходимо каждый час менять повязки, – обратился Симон к оробевшему мужу. – Я дам вам свежих трав. И было бы разумнее остаться ненадолго в Шонгау. Я знаю хороший постоянный двор...

---

¹ Негодяй! (итал.)

– У нас нет на это времени, – покачал головой старик. – Кроме того, я хотел бы вверить свою невестку в надежные руки. Наш врач в Вероне знает толк в кровопускании – уверен, ей станет лучше. К тому же аббат в Роттенбухе предоставит более достойный кров, нежели в этом вонючем городишке.

– Ей ни в коем случае нельзя терять кровь! – предостерег Симон. – Я настоятельно советую...

Но старик прервал его, сунув ему в руку несколько монет.

– Этого должно хватить. Счастливо оставаться, господин *лекарь*.

Последнее слово он буквально выплюнул, после чего вновь надел шляпу и накинул плащ. Его сын между тем осторожно поддерживал жену. Симон помог ему вывести ее на улицу, где дожидалась карета, и быстро взглянул на толстую няньку с маленьким ревущим свертком на руках. Кучер щелкнул кнутом, карета тронулась с места и вскоре скрылась в сгущающихся сумерках.

«Езжайте с Богом», – подумал Симон.

Однако особых надежд он не питал. Скорее всего, молодая мать умрет прежде, чем они доберутся до Вероны. Лихорадка, которая так часто начиналась у женщин после родов, была скоротечна и беспощадна.

Глубоко опечаленный, Фронвизер вернулся в процедурную. В кармане звенели монеты, полученные от старого торговца, – столько *лекарь* зарабатывал примерно за неделю. Тем не менее особой радости Симон не испытывал. Он достал монеты и получше к ним присмотрелся. Пять серебряных талеров, таких же, какие он получил от Йозефа Зайлера. Правда, эти были отчеканены совсем недавно: под гербовыми ромбами Виттельсбахов значился 1672 год, а на другой стороне была изображена Мадонна с серпом луны. Должно быть, купцы из Вероны недавно получили их в Мюнхене. Монеты блеснули так, словно только вчера покинули монетный двор. Симон повертел их в руках и уже собрался сунуть обратно в карман, но тут заметил нечто странное.

Быть этого не может.

Лекарь ощупал каждую монету. Потом, чтобы удостовериться в своем предположении, снял с полки весы, на которых обычно взвешивал лекарства. На одну чашу он положил три монеты, которые получил пару часов назад от толстого Зайлера, на другую – три монеты веронских купцов.

Чаша с монетами Зайлера резко опустилась вниз.

Симон нахмурился. Выходит, он не ошибся и подозрения его оказались не напрасными. Талеры веронских купцов были не только новыми – они были легче, причем в разы. Должно быть, в них содержался какой-нибудь дешевый металл – медь или олово. Только вот знают ли об этом торговцы или они сами из числа обманутых – неизвестно...

Симон снова взглянул на монеты, такие красивые, сверкающие серебром. Как бы там ни было, ничего уже не исправить. Торговцы, вероятно, уже покинули Шонгау и были на пути в Роттенбух... Симон задумчиво опустил монеты в кошелек, потом пожал плечами. В конце концов, деньги являли собой спрессованные куски металла, не более.

А молодую женщину, скорее всего, не спасут уже никакие дукаты или дублоны из чистого золота.

* * *

Ночью, когда Симон с Магдаленой наконец-то улеглись в кровать, между ними долго царил молчок. Каждый прислушивался к дыханию супруга и догадывался, что ему тоже не спится. Рядом, в колыбельке, которую смастерил для нее дед, спала София. Она дышала тихо и спокойно. Магдалена протянула руку и погладила маленькую ладошку дочери.

«Такая маленькая и хрупкая, – подумала она. – И такая красивая... Только бы Господь не отнял ее у нас».

Господь, словно бы в стремлении исправить свой промах с ножкой Софии, наделил ее другими замечательными чертами. Трудно было представить себе ребенка более спокойного. Она много смеялась, была внимательна и любопытна, голубые глаза ее постоянно находились в движении. Кроме того, София уже пыталась произнести первые слова. Даже сейчас нетрудно было заметить, что в будущем девочка станет красивой, как ее тетя.

«И тоже станет неприкасаемой», – с болью подумала Магдалена.

Они до сих пор ни словом не обмолвились о сегодняшней ссоре. При этом Магдалена рассказала Симону о намерении отца выдать Барбару замуж в Мюнхене. О том, что сестра беременна, она говорить не стала. Рассказывать об этом сейчас показалось ей опрометчивым. Симон не умел хранить тайны, и риск был слишком велик. Отец ни в коем случае не должен об этом узнать. Магдалена и сама не ведала, как он отреагирует, если вдруг выяснит, что его младшая дочь ждет внебрачного ребенка. Пусть этот секрет останется между ней и Барбарой.

Она повернулась к Симону, но тот первым нарушил молчание.

– Послушай, – начал он. – То, что я сказал сегодня насчет тебя и Софии... Прости. Это было глупо и неправильно с моей стороны. Наверное, слишком много всего навалилось в последнее время...

Магдалена жала его руку.

– Все хорошо. Знаю, ты и вправду много работаешь. Соседи говорили, что вечером перед домом останавливалась карета...

– Это были купцы, возвращались в Верону, – тихо ответил Симон. – Женщина была очень плоха, и я, наверное, уже не мог ей помочь.

Лекарь сбивчиво рассказал о молодой матери и ее свекре, чья спешка и жадность могли стоить ей жизни.

– Все из-за этой лихорадки, сколько женщин умирает от нее после родов! – покачал головой он. – Вот найти бы средство от нее...

– Может, не от всех страданий существуют средства, – возразила Магдалена. – Ты когда-нибудь задумывался об этом? Может, с какими-то из болезней нам следует просто смириться.

– С такими, как нога у Софии? Это ты хочешь сказать? – Симон поерзал на кровати. – Я, во всяком случае, не собираюсь сдаваться и докопаюсь до причины. Я не для того становился лекарем, чтобы прокалывать фурункулы на толстых задницах! Вот если мой трактат опубликуют...

– Ты *опять* за свое? – простонала Магдалена. – По-моему, сейчас у нас совсем другие заботы. Барбаре придется выйти замуж. И я молюсь, чтобы среди этих палачей в Мюнхене нашелся хотя бы один более-менее подходящий... – Ее передернуло. – Надеюсь, не все они омерзительны, как наш могильщик. Или живодер, от которого несет за десять шагов против ветра.

– По крайней мере, ты уговорила Барбару поехать с нами, – заметил Симон. – И все равно удивительно, как это она согласилась. Я думал, твоя сестра откажется наотрез, и неважно, что скажет ей отец.

– Я... нашла к ней подход, – Магдалена надеялась, что Симон не заметит неуверенность в ее голосе. – Я рассказала ей про новый мюнхенский театр, прекрасные дворцы и сады. Наверное, это тоже внесло свой вклад. Ведь Мюнхен считается самым красивым городом в Германии, а курфюрст Фердинанд Мария допускает ко двору столько иностранцев! А еще там вроде бы строят новую большую церковь, и новые укрепления, и великолепную резиденцию... Ты чего это?

Симон рассмеялся.

– Я просто попытался представить, как дюжина палачей вроде твоего отца сидят там за столом. Полагаю, это будет полная противоположность мюнхенскому двору. – Он привлек к себе Магдалену. – Просто ума не приложу, как у этого неотесанного верзилы могла родиться такая красивая дочь.

– А почему бы и нет? – поддразнила Магдалена. – У тебя ведь тоже родилась.

Они еще долго лежали в обнимку, а София улыбалась и иногда тихонько смеялась во сне. Должно быть, ей снилось что-нибудь очень приятное.

2

Река Лойзах близ Вольфратсхаузена,

2 февраля 1672 года от Рождества Христова

Барбара стояла с закрытыми глазами на носу плота и впитывала все звуки и запахи, витавшие вокруг. Несмолкающий шум реки, стоны и скрежет ледяных глыб, когда они сталкивались в воде, выкрики рулевых со встречных плотов... В воздухе ощущался тонкий, едва уловимый запах весны. Барбара чувствовала, что ждать осталось совсем немного, может, еще пару-тройку недель. В последние дни уже случались оттепели. И хотя на полях еще лежал снег и ночами бывало морозно, дни становились длиннее и возвещали скорый приход тепла.

Через некоторое время Барбара открыла глаза, и чувство защищенности тут же покинуло ее. Она смотрела на стремительное течение, которое гнало плот с пугающей быстротой, на деревни, что проносились мимо, и на крестьян, устало бредущих по бечевникам, еще занесенным снегом. Но куда чаще Барбара замечала многочисленных плотогонов в шляпах-колпаках, синих куртках и с шестами, при помощи которых они отталкивались от других плотов или обходили опасные стремнины. Все без исключения молодые и крепкие, они открыто глазели на Барбару. Вот один из них что-то шепнул своему напарнику, оба рассмеялись, после чего двусмысленно подмигнули ей и приподняли шляпы. Барбара отвернулась, не удостоив их вниманием.

«Прекратится это когда-нибудь? – подумала она. – Неужели мы для них просто дичь?»

Накануне утром они покинули Шонгау, и Барбара до последнего раздумывала, стоит ли ей ехать. Но разве у нее был выбор? Магдалена права: если она, будучи незамужней, родит ребенка, то станет в Шонгау ничем не лучше дворняги. Более того, позор перейдет и на всю семью. Вполне возможно, что отца исключат из Совета Двенадцати...

А если ей сохранить свое положение в секрете, тайно родить и подкинуть ребенка в какой-нибудь монастырь?

От одной только мысли об этом Барбаре стало не по себе. Неважно, кто его отец, – это ее плоть и кровь. Долгие годы она будет мучиться мыслью, жив ли ее ребенок, хорошо ли ему живется, – или же он умер где-нибудь от голода, или замерз в какой-нибудь подворотне, беззвучно шевеля губами и спрашивая себя, кем же была его мать... Нет, она не сможет такого допустить! Следовало избавиться от него, когда он был еще маленьким червячком в ее утробе. А теперь уже слишком поздно.

Поэтому Барбара послушалась совета старшей сестры и вместе со всеми отправилась в Мюнхен. В конце концов, что она теряла? Едва Шонгау скрылся за первыми изгибами дороги, молодая женщина вздохнула свободнее.

Неважно куда, лишь бы подальше от этого захолустья и его недалеких обитателей...

Отец узнал от путников, что по Лойзаху уже отправлялись первые плоты. Какой-то извозчик довез их на своей повозке до Байерзойена. Там они провели ночь в открытой всем сквознякам и кишасей блохами харчевне, а наутро бригадир одного из плотов согласился за несколько монет доставить их в Мюнхен.

Барбара оглянулась на корму. Там, среди бочек, в компании базарных торговцев из Партенкирхена, тощего точильщика с высокой корзиной и двух подмастерьев, разместились и ее семья. Петеру и Паулю плавание доставляло явное удовольствие, в отличие от их отца. Симону

то и дело приходилось унимать Пауля, когда тот принимался играть в салки среди тюков, ящиков и пивных бочек. Магдалена как раз кормила маленькую Софию, а отец сидел с трубкой в зубах, крепко держался за сундук и смотрел прямо перед собой. Барбара знала: для палача не было ничего хуже, чем путешествие по воде. Но никакая сила не заставила бы его выказать свой страх перед семьей.

– Внимание! Лыдина!

Рулевой рядом с Барбарой рванул весло, и она потеряла равновесие. В последний момент ей удалось обхватить широкие плечи рулевого. Краем глаза Барбара заметила, как несколько крупных ледяных глыб проплыли почти вплотную к плоту. Позади раздавались крики пассажиров, старая крестьянка взмолилась святому Николаю, покровителю плотогонов. Плот начал опасно заворачивать вправо. Рулевые на носу и на корме под крепкую ругань боролись с течением. Сильный, дородный плотогон рядом с Барбарой пыхтел и напрягался, погружая весло в воду, и могучие мускулы вздувались под его рубашкой. Наконец они выровняли плот по курсу.

Рулевой грубо рассмеялся и вытер пот со лба. Только теперь Барбара узнала в нем Алоиза Зееталера, бригадира из Гармиша, который и взял их сегодня утром на плот. Это был бородастый мужчина с хмурым взглядом. На животе у него болтался тугой кошель, набитый монетами. Отправляясь в рейс в это время года, он, однако, не забыл вознаградить себя за смелость.

– Да уж, легко отделались! – прогремел Зееталер и подмигнул Барбаре. – Но и ты, подруга, здорово подсобила. Можешь еще разочек подержаться за мое плечо... Хороша, чертовка!

Он снова рассмеялся и огромной пятерней шлепнул Барбару по ягодице. Женщина невольно вздрогнула.

– Не нужно этого, – процедила она сквозь зубы.

– Ладно, брось ты, – проворчал бригадир. – Я взял с вас умеренную плату, могла бы ответить мне любезностью.

– Не припомню, чтобы сама входила в эту плату, – возразила Барбара.

Зееталер ухмыльнулся.

– Как знать... Мы скоро остановимся у Вольфратсхаузена. К нам попросятся и другие пассажиры, и цена, возможно, повысится. Может, тогда ты станешь сговорчивее... Ну, что скажешь на это?

Барбара вдруг почувствовала, как его рука скользнула вниз по ее ягодицам, точно между ног. Она оцепенела. Пару месяцев назад дочь палача наградила бы наглеца пощечиной, каким бы высоким и сильным он ни был. Теперь же ей просто-напросто стало дурно, как это часто бывало в последнее время. Зееталер истолковал ее молчание как согласие. Ладонь его скользнула дальше под плащ и юбку и оказалась между бедрами. В следующий миг он неожиданно замер и тонко взвыл.

– Какие-то проблемы? – раздался низкий голос за спиной Барбары.

Она оглянулась и увидела своего отца. Палач на целую голову возвышался над толстым бригадиром. Тяжелый сапог его придавил ногу плотогона, безжалостно пригвоздив его к палубе.

– Какие-то проблемы, я спрашиваю? – повторил Куизль, и теперь в голосе его прозвучала угроза. А рука его, как поваленное дерево, легла на плечо плотогона.

Зееталер вздрогнул, потом медленно покрутил головой, и Куизль убрал сапог с его ноги. Но рука его по-прежнему покоилась на плече бригадира. Именно в такие минуты Барбара понимала, что отец, несмотря на преклонный возраст, все еще силен как бык. Одним лишь своим ростом Якоб наводил страх на многих людей – и в особенности на тех, кто узнавал в нем печально известного палача из Шонгау. Очевидно, Зееталер не догадывался, что приставал к его дочери.

– Нет... все хорошо... – просипел Алоиз.

– В таком случае благодарю за славную поездку, бригадир. – Куизль похлопал Зееталера по плечу и заботливо убрал с его рукава несколько ворсинок. – Так что же, скоро мы будем в Мюнхене?

– Часов через... семь или восемь, – пробормотал плотогон. – Когда доберемся до Изара, поплывем быстрее.

– Отлично. Надеюсь, еще сегодня я выпью кружечку темного мюнхенского пива. Такое вкусное варят лишь монахи, которым чужды плотские радости. А до тех пор не побыть ли и вам таким же монахом?

Куизль грозно взглянул на плотогона. Тот кивнул, но не произнес больше ни слова.

– Рад, что мы пришли к согласию. Ты идешь, Барбара?

Палач развернулся и, обходя ящики, двинулся к корме. Его дочь неохотно последовала за ним, но Куизль внезапно остановился.

– Теперь-то ты понимаешь, почему мне хочется найти тебе мужа? – спросил он со злостью. – Я не могу везде и всюду тебя сторожить! Среди мужичья хватает скотов. Они чуют свежую кровь, как волк – ягненка.

– Сама знаю, – ответила Барбара тихим голосом.

«И получше тебя», – добавила она про себя.

Палач вздохнул. Взгляд его неожиданно смягчился, и он с отеческой любовью посмотрел на дочь.

– Да, я рад, что ты без лишних уговоров согласилась поехать. И... и... – Эти слова давались ему с явным трудом. – Прости, что так огорошил тебя своими планами. Черт возьми, я же чурбан неотесанный, еще твоя мама говорила об этом!..

– Что есть, то есть, – Барбара улыбнулась. Отец нечасто просил у нее прощения.

Якоб глубоко вздохнул.

– Тогда сделай мне одолжение, просто взгляни на трех претендентов, которых я отобрал для тебя. А выбор останется за тобой.

– Трех претендентов? – Улыбка на губах Барбары померкла, и она в ужасе уставилась на отца. – Ради всего святого, что...

– Ну, я отправил несколько писем, узнал, кто там будет. А потом написал про свою милую дочь... – Куизль пожал плечами. – Думаю, у нас есть три подходящих варианта. Я, конечно, не знаю, хороши ли они собой. Но, по крайней мере, все трое станут отличной партией.

У Барбары челюсть отвисла от изумления. Все складывалось гораздо хуже, чем она ожидала.

– Ну, и что же ты написал им про меня? – спросила она с обидой в голосе. – Большие титьки, черные волосы и острый язык? Какие еще у меня есть достоинства, о которых я не знаю? Широкий круп и добрый галоп, как у лошади?

Лицо у Куизля снова стало мрачным. Он стиснул кулаки.

– Ты посмотришь на этих трех претендентов, хочешь ты этого или нет. Проклятье! Слишком долго я закрывал на это глаза. Если б твоя мать только узнала...

Барбара не дала ему договорить. Красная от досады, она скрылась среди привязанных ящиков. Ей просто необходимо было побыть одной. Однако она быстро поняла, что на плоту – двадцать шагов в длину и семь в ширину – эта задача не из легких. Отовсюду на нее глазели любопытные пассажиры, которые наблюдали за ссорой между отцом и дочерью. Магдалена тоже бросила на нее обеспокоенный взгляд, но она была занята с плачущей Софией. Да и чем бы Магдалена помогла ей? Сестра заверила ее, что вместе они со всем справятся. Но, в сущности, это были лишь пустые слова...

Никто не мог ей помочь, даже Магдалена.

Барбара тихо заплакала, села между ящиками и закрыла глаза.

Шум реки помог ей немного успокоиться и отвлечься. Через некоторое время она вытерла слезы и уставилась на холодную зеленоватую воду. Жизнь продолжалась. Ей уже столько всего довелось пережить и преодолеть... И в этот раз она тоже справится, найдет выход.

В конце концов, она не зря носит имя Куизлей!

* * *

Близился вечер, и до Мюнхена оставалось уже совсем немного. За последние пару часов лесá заметно поредели; все чаще стали попадаться деревенские церквушки, чьи луковичные купола тянулись в безоблачное небо. Когда путешественники миновали старую крепость недалеко от Изара, впереди уже завиднелись внешние стены укреплений.

Симон стоял с сыновьями на носу и смотрел на внушительный городской силуэт. Крепостные рвы, стены и мощные башни отделяли укрытые снегом поля и пашни от статных домов, церквей и колоколен. Прежний курфюрст Максимилиан выстроил эти укрепления ради обороны в Тридцатилетнюю войну. Правда, к нашествию шведов строительство так и не было завершено. Тем не менее, глядя на эти стены, каждый плотник понимал, что перед ним – один из самых прогрессивных и величественных столичных городов в Священной Римской империи.

В центре города виднелись две высокие колокольни – по всей видимости, купола знаменитой церкви Богоматери. Широкий, медлительный Изар протекал всего в сотне шагов к востоку от городских стен, мимо пустующих хмельников, лугов и пойменных лесов. Мимо проплывали каменистые, скудно поросшие острова, и наконец-то плот прошел под длинным мостом. Симон слышал, что этим мостом и было положено начало Мюнхену. Когда-то могучий герцог выстроил его, чтобы взимать плату за переправу с торговцев солью из Райхеналля. Из монастыря и горстки простых домов год за годом разрастался огромный город, известный во всей империи и даже за ее пределами.

Довольный собой, Симон разгладил красный сюртук и ренгравы, которые надел специально для этой поездки. В Мюнхене – он это знал – нужно быть хорошо одетым. Во всяком случае, лучше, чем в Шонгау, этом душном захолустье, ненавистном ему своей узколобостью. В общем-то, в больших городах Симон всегда чувствовал себя лучше, чем в своем родном городишке. Лекарь очень надеялся, что эта встреча палачей пройдет где-нибудь в центре Мюнхена и он сможет погулять по главным улицам, мимо церквей, театра и резиденции курфюрста.

Когда мост остался позади, слева показались пристани и причалы. Они тянулись на сотни шагов вдоль берега, и возле них, привязанные к столбам, уже покачивались плоты и лодки. Поденщики в нищенских одеждах таскали на берег бочки, тюки и ящики, стараясь заработать себе на пропитание. Вокруг царил такой шум, что Симон почти не разбирал слова.

– Пристани, – довольно пробурчал Куизль. – Мы почти на месте.

– Ну а где же соберется этот Совет Двенадцати? – поинтересовался Фронвизер. – В каком-нибудь трактире посреди города или рядом с рыночной площадью? Может, по пути удастся заглянуть в церковь Богоматери. Я слышал, что... Эй, да стойте же!

Не удостоив его ответом, Куизль спрыгнул на берег, поднялся по узким сходням и стал прокладывать себе путь по широкой, запруженной людьми улице. Мимо сновали усталые крестьяне с заплечными корзинами, перекрикивались торговки; пьяные плотогоны на нетвердых ногах шагали из кабака, расположенного недалеко от пристаней. Хотя Сретение Господне знаменовало собой начало отдыха и затишье, на улицах царило оживление.

– Видимо, получили свое жалованье и тут же набрались, – предположила Магдалена. С детьми она едва поспевала за Куизлем. – Давай помедленнее, черт возьми!

– Куда он, собственно, направляется? – спросила Барбара. Она держалась позади всех и за последние несколько часов не проронила ни единого слова. Отрадно было видеть ее чуть

менее подавленной, чем прежде. – Выпить пива в ближайшей таверне? А нам ждать его на холоде? От него и такого можно ожидать...

– Хм, вообще-то я думал, Якоб поведет нас к трактиру, где соберутся палачи, – ответил Симон и нахмурился. – Странно только, почему он не свернет к городским воротам.

Действительно, вместо того чтобы направиться к городским воротам, расположенным примерно в сотне шагов, палач двинулся к высокой башне, что возвышалась над мостом через Изар. Перед заходом солнца здесь также царило оживление: через ворота башни одна за другой проезжали в город повозки и кареты. В воздухе стоял запах конского пота, пивного сусла и лошадиного навоза.

– Ради всего святого, может, соизволишь и нам объяснить? – потребовала Магдалена, когда наконец поравнялась с отцом. – Куда ты нас ведешь? Говори, иначе я не сдвинусь с места!

Палач остановился и показал на другой берег, где виднелись нагромождения убогих хижин, покосившихся и построенных без всякого плана – казалось, их небрежно раскидал там какой-нибудь пьяный великан. Между ними высились несколько водяных мельниц, и течение медленно вращало их обледенелые колеса. Над поселением, растянувшимся вдоль берега, нависло темное облако дыма и копоти.

– Вон туда, – проговорил Куизль. – В Ау.

– Боже правый! Выглядит жутковато, – выдохнула Магдалена. – Что это? Деревня для нищих и головорезов?

– Почти угадала, – усмехнулся палач. – А вы всерьез полагали, что дюжину грязных палачей пригласят в мюнхенскую резиденцию, угостят вином и фазанами? В Ау палачам самое место. Там всегда есть чем заняться.

– Чудесно! – вздохнул Симон, распрощавшись с мыслью о вечерней прогулке по городу, и печально оглядел свой новый красный сюртук и ренгравы. – В такой одежде я с тем же успехом могу нацепить на шею табличку с надписью «Можно грабить».

– Да бросьте вы, вам понравится, – добродушно ответил Куизль и зашагал по мосту. – Я уже бывал здесь. Согласен, люди в Ау грубоватые и шумные, но зато искренние.

Словно бы в доказательство его слов, навстречу им прошли два оборванца. Они крепко держались друг за друга и горланили какую-то народную песню, слов которой Симон так и не разобрал. Похоже, эти двое, как и многие плотогонцы в порту, не пожелали оставаться трезвыми в этот праздничный день.

Вскоре они поравнялись с первыми строениями Ау. Здесь не было ни стен, ни ворот – только широкая, покрытая мерзлой грязью улица, протянувшаяся вдоль ручья. Между хижинами, по обе стороны улицы, то и дело попадались высокие строения с лестницами по внешней стороне, ведущими к балконам и дверям. Из окон выглядывали престарелые женщины и мужчины с обветренными лицами и с любопытством разглядывали чужаков. Тесные, изогнутые проулки уводили в глубь лабиринта из дощатых домов, задних дворов, мельниц и харчевен. За все время им попало лишь несколько каменных зданий. Самое крупное стояло чуть в стороне, имело три этажа и множество печных труб.

Уже смеркалось, но Симон насчитал сразу с полдюжины кабаков, из окон которых падал тусклый свет. Изнутри доносился шум буйной пьянки, в одной из харчевен звучала расстроенная скрипка. В следующий миг дверь харчевни распахнулась, и навстречу им вывалился пьяный мужчина. Сил у него хватило, чтобы дойти до ближайшего угла, где его и вырвало.

Барбара сморщила нос и бросила свирепый взгляд на отца, после чего повернулась к Магдалене.

– Это и есть твои обещанные красоты Мюнхена? Театр, множество садов...

– Дедушка, они все пьяные? – полюбопытствовал Петер.

– Ну, они празднуют. Еще один год тяжелых трудов позади, – Куизль пожал плечами. – После Сретения Господнего у работников и подмастерьев есть несколько свободных дней. Потом все начинается по новой. Такая попойка еще никому не повредила.

– Если они и дальше будут так пить, то назавтра у них вообще денег не останется, – проворчала Магдалена. – Вы как хотите, а я ни единого дня не...

Договорить она не смогла, так как из переулка до них вдруг донеслись возбужденные голоса. В отличие от пьяных выкриков из харчевен, в этих голосах безошибочно угадывался страх. Куизль сначала постоял в нерешительности, а потом свернул в проулок. Симон и все остальные последовали за ним. В скором времени они вышли к большой толпе, сгрудившейся у ручья. Справа от них была мельница, и на одной ее лопасти что-то висело. В сумерках Симон не сразу разглядел, что это. А потом невольно вздрогнул.

Это было человеческое тело.

Несколько человек пытались провернуть колесо против течения. Но лопасти то и дело выскальзывали, и тело поднималось все выше и выше. Еще немного, и оно упадет с другой стороны...

Куизль хрустнул костяшками пальцев и протолкался сквозь толпу, не встретив сопротивления.

– Разойдись! – прорычал он.

Под изумленные восклицания палач ухватился за обледенелую лопасть и потянул на себя. Сначала ничего не произошло, Куизль пыхтел и покряхтывал. Но в конце концов колесо стало поворачиваться против течения.

– Что это за малый? – спросил шепотом коренастый подмастерье рядом с Симоном. – Он, случаем, не из Гизинга? Может, извозчик какой?

– Не знаю, откуда он, но под горячую руку попадаться ему не хочу, – так же тихо ответил ему другой. – С такими ручищами пивные бочонки можно десятками таскать.

Люди шептались и переглядывались, а Куизль тем временем продолжал тянуть колесо. В конце концов несколько человек бросились ему на помощь; вместе они сняли с лопасти безжизненное тело и осторожно уложили на землю.

Симон содрогнулся: это была юная девушка, лет шестнадцати или семнадцати. И не возникало сомнений в том, что она мертва. Остекленелые глаза неподвижно смотрели в вечернее небо, в волосах, словно украшения, поблескивали сосульки. Тело хорошо сохранилось в холодной воде, поэтому с первого взгляда сложно было сказать, как долго оно находилось в ручье. Не видел Симон и каких-либо внешних повреждений.

– Эй! Довольно поглазели. Все расходитесь, ну!

Из переулка вышел какой-то тощий тип. В одной руке он держал фонарь, в другой – крепкую палку и то и дело взмахивал ею, чтобы придать веса своим словам.

– Расходитесь, я вам сказал! – повторил этот тип. – Или мне пинками вас разгонять? Кто не послушается, будет спать за решеткой!

Толпа начала неохотно расходиться, пока у ручья не осталось лишь несколько человек. Тощий тип шагнул к Куизлю. Нос у него был красный от холода – хотя, возможно, тут не обошлось без пары стаканов настойки. Мужчина шмыгнул, втягивая соплю, и свирепо уставился на палача.

– Тебя это тоже касается, здоровяк! – произнес он с важным видом. – Такими делами ведает суд, а я, черт подери, судебный надзиратель в Ау! Или ты имеешь какое-то отношение к ее смерти? – Тощий показал палкой на тело юной девушки. – Может, ты не захотел платить ей за оказанные услуги и толкнул ее в воду? Так оно было? Отвечай!

– Мы только что приехали, – сказал Симон, становясь рядом с Куизлем. – Моя семья может подтвердить это.

Лекарь кивнул на Магдалену, Барбару и детей, которые до сих пор держались позади. Долговязый надзиратель склонил голову.

– Хм. Приезжие, значит... – Он снова протяжно шмыгнул, потом показал палкой в сторону главной улицы. – У нас в Ау и так хватает голодранцев. Так что убирайтесь, да поживее. Отребье приبلудное!

– Эта бедняжка, видно, тоже была из приبلудного *отребья*, – сказал Куизль, не обращая внимания на его ругань.

– Чего? – Тощий мужчина потер сопливый нос. – С чего ты это взял, здоровяк?

– Тут собралось по меньшей мере человек двадцать. Все они видели девушку, и никто не назвал ее по имени. А в Ау, как мне думается, люди друг дружку знают, верно?

– Кхм, верно, – начал судебный исполнитель. – И все равно...

– Кроме того, слишком уж это накладно и муторно – вешать на кого-то мешок с камнями и бросать в воду. Будь я убийцей, я бы просто дал девице по голове и толкнул в воду. Об остальном позаботился бы холод.

– Мешок? С камнями? – Надзиратель окончательно растерялся. – Что... что ты такое несешь? – пробормотал он.

Куизль склонился над телом и перевернул его. Теперь стало видно, что к поясу девушки действительно был привязан небольшой мешок, наполненный камнями и незаметный под складками юбки.

– Я обратил на него внимание, когда снимал бедняжку с лопасти, – пояснил Куизль. – Она оказалась чертовски тяжелой. В мешке фунтов тридцать, не меньше, ко дну пойдешь, как кусок свинца. По всей видимости, ее подцепило лопастью, иначе она до лета там пролежала бы.

Надзиратель почесал нос. Потом ухмылка внезапно исказила его лицо, все в красных прожилках.

– Ха! Тогда все ясно! – заявил он с торжествующим видом. – Шлюха сама утопилась. Такое тут часто бывает. Девка понесет от какого-нибудь проходимца, а его и след давно простыл. Она не видит иного выхода, кроме как броситься в воду, – а в Мюнхене одной милой девицей меньше.

Куизль склонил голову набок.

– Хм. Возможно...

– Что значит возможно. Это...

– Возможно, но маловероятно. Ты бы, например, стал бросаться в воду с полным монет кошельком?

Теперь уж растерялся и Симон. Он нахмурился и взглянул на палача.

– Откуда, ради всего святого, вы узнали, что у нее есть кошелек? – спросил он. – Вы ведь даже не осматривали ее.

Куизль усмехнулся.

– Если б вы не галдели, а хоть на секунду прислушались, то услышали бы тихий звон, когда я опускал ее на землю, – он склонился над трупом. – Полагаю, кошелек где-то под юбкой...

– Руки прочь! – прошипел надзиратель. – Если у нее при себе деньги, то установить это должен я.

– Ага, и спрятать деньги в собственных карманах, – добавила Магдалена и шагнула вперед. – Ну уж нет! Вы должны проследить, чтобы их вернули семье бедной девушки. Возможно, у нее остались родные.

– Да... как ты смеешь ставить под сомнение мои приказы? – расвирепел надзиратель. – Здесь я принимаю решения... Ну, погоди у меня!

Он замахнулся палкой и двинулся на Магдалену и Барбару. Но Куизль встал у него на пути, перехватил палку, точно тростинку, и поднял вместе с надзирателем.

– Отпусти! Немедленно! – визжал тот. – Я всех вас упрячу за решетку! Я... я...

– Опusti его, Якоб. Этот болван и без того уже стал посмешищем.

Симон обернулся на голос, донесшийся из проулка. Там стоял человек, широкий в плечах, но низкого роста, и руки его казались слишком длинными для коренастого туловища. Лицо у него было угловатое, а глаза светились умом и дружелюбием. Он был примерно одного возраста с Куизлем и носил широкий багровый плащ. Уверенным шагом незнакомец направился к их небольшому сборищу.

– Пропади я пропадом, Михаэль Дайблер! – радостно вскричал Куизль и отбросил взбешенного надзирателя, точно гнилое яблоко. – Откуда ты узнал, что мы приехали?

Человек, названный Дайблером, ухмыльнулся, демонстрируя ряд почерневших зубов.

– Ну, мне сейчас рассказали про верзилу, явно нездешнего, который помог выловить труп из ручья. Тут уж долго гадать не пришлось. Я ведь знал, что ты приезжаешь сегодня, – он хрипло рассмеялся. – Видимо, правду о тебе говорят, добрый братец: трупы прямо стекаются к тебе, как мухи слетаются на мед.

– Этот... этот наглец лезет не в свои дела! – проворчал надзиратель, поднявшись на ноги. – Он отказался повиноваться мне, и...

– Заткнись уже, Густль, – прервал его Дайблер. – Скажи спасибо, что этот наглец помогает тебе. По слухам, еще ни один убийца не ушел от палача из Шонгау.

– Па... палач? – надзиратель отступил на шаг. – Почему он сразу не сказал?

Он опасливо отвел взгляд и перекрестился. Симон знал, что именно так люди в большинстве своем реагировали на Куизля. Палач приносил одни несчастья, в особенности тем, кто посмотрит ему в глаза или коснется его.

– Да сколько же вас тут собралось-то? – поинтересовался надзиратель.

– Двенадцать, если хочешь знать точно. – Дайблер пожал плечами. – Всего-то на несколько дней, потом все разъедутся, и придется тебе снова довольствоваться мной одним. – Он ухмыльнулся и показал сначала на Куизля, потом на труп девушки. – А теперь дай ему заняться своим делом.

Густль молча отступил в сторону, и Куизль принялся обыскивать мертвую девушку. Через минуту палач действительно нашел под юбкой небольшой кошелек. Он открыл его, и оттуда со звоном высыпалась горсть серебряных монет. Симон вдруг насторожился и склонился над деньгами в руке Куизля.

Монеты показались ему знакомыми.

«Возможно, это просто совпадение», – подумал он.

Фронвизер посмотрел внимательнее. Действительно, это были серебряные талеры, новые все до одного. На каждой был отчеканен герб Виттельсбахов и стоял год 1672-й.

Отец и Михаэль Дайблер шагали впереди, тихо переговариваясь. Магдалена и остальные старались не отставать.

– Добро пожаловать в Мюнхен, тоже мне! – прошипела Барбара и пнула замерзшее конское яблоко. – Это какая-то преисподняя! У нас в Кожевенном переулке жизнь и то сноснее.

– От города совсем недалеко, – попыталась утешить ее Магдалена. – Уверена, у нас еще будет возможность посмотреть и на мюнхенские дворцы, и на церковь, и на театр.

Она ободряюще улыбнулась, хотя злилась при этом не меньше. Со слов отца, эта поездка представлялась ей совсем иначе. Барбара уже рассказала, что отец отобрал для нее трех претендентов. Но поиски подходящего жениха становились от этого ничуть не легче.

Кроме того, ее злило, что Михаэль Дайблер до этой минуты не обменялся с ней ни единым словом. Понятно, что он был мюнхенским палачом, давно знал ее отца и им многое следовало обсудить. Но разве это давало повод отказываться от элементарных правил приличия? За кого он ее принимал, за служанку?

Симон тоже был погружен в раздумья. Казалось, его занимали какие-то мысли, но Магдалена была слишком измотана, чтобы расспрашивать мужа. Ко всему прочему, у нее болела

спина: с той минуты как они сошли на берег, дочь палача таскала на себе Софию, замотанную в платок. При этом девочка внимательно наблюдала из своего кокона за всем происходящим.

Через некоторое время справа вырос еще один большой трактир. Изнутри доносились вопли и громкий смех, потом послышался звон разбитой кружки, и дверь распахнулась. Кто-то вышел, пошатываясь, на улицу, рухнул в грязный снег и пополз на четвереньках. За ним тянулся тонкий кровавый след – судя по всему, у него был разбит нос.

– Ах, знаменитая ночная жизнь Ау! – Дайблер осклабился. – Видно, там уже столпотворение. Но за столом для палачей местечко всегда найдется.

– Это здесь нам предстоит провести несколько дней? – неуверенно спросил Симон и показал на покрытые копотью, потрескавшиеся окна второго этажа.

Михаэль Дайблер кивнул.

– У Радля лучшая таверна в Ау, с теплой печкой и застекленными окнами. Во дворе даже уборная есть. Я отвел специально для вас две хорошие комнаты.

– Лучшая таверна в Ау, – повторила Магдалена глухим голосом. – Очень любезно, нечего сказать.

Она вздохнула и вслед за остальными вошла внутрь.

Их сразу окутало облако табачного дыма, сладковатого и такого густого, что у Магдалены на глазах выступили слезы. Вообще-то в баварских трактирах курение уже несколько лет находилось под запретом, но, похоже, в Ау этому не придавали особого значения. В зале собралось по меньшей мере тридцать человек, преимущественно мужчин, и все курили трубки и пили пиво из массивных кружек. Магдалена предположила, что в большинстве своем это были батраки и простые ремесленники и пропивали они здесь значительную часть своего жалованья. Поэтому и настроение царило соответствующее. Кто-то орал песни, другие смеялись, третьи плясали на помосте, где ярко накрашенные девицы соблазнительно вертели бедрами.

Магдалена заметила, как один из пирующих высунулся в окно, чтобы опорожнить желудок, а потом снова взялся за кружку. Люди теснились вплотную друг к другу, и лишь за одним столом в дальнем углу было относительно свободно. Там сидели несколько человек, по виду не очень приветливых, и молча пили пиво. С остальными пирующими они имели мало общего.

– Как видишь, кое-кто из кумовьев уже здесь! – сообщил громким голосом Михаэль Дайблер и обвел рукой хмурые лица. – Каспар Хёрманн из Пассау, Маттеус Фукс, палач из Меммингена, и даже твой старинный друг Филипп Тойбер из Регенсбурга.

Куизль оглядел присутствующих.

– А мой брат тоже здесь?

Дайблер помотал головой.

– Он прибудет только завтра. Как и Иоганн Видман из Нюрнберга, этот тщеславный пес... Он всегда любит опаздывать, – мюнхенец закатил глаза. – И все-таки он самый богатый и влиятельный в нашей гильдии и может себе это позволить.

– Ну, будет тебе, Михль... – Куизль шутливо погрозил пальцем. – Ты как-никак палач в столичном городе. Так что не надо тут скромничать.

Дайблер отмахнулся.

– А, с тех пор как палачу в Мюнхене не дают присматривать за шлюхами да еще запретили азартные игры, дела идут неважно. А несколько пыток и казней за целый год тоже не...

– Конечно, не хочется прерывать вашу беседу, – перебила его Магдалена, – но дети устали. – Она показала на Петера и Пауля, у которых и вправду слипались глаза. – Если б вы показали нам наши комнаты...

– Разумеется, – Дайблер кивнул.

Казалось, он впервые обратил внимание на Магдалену. Палач властно махнул трактирщику. Толстый мужчина с бритой головой подошел с явной неохотой, стараясь при этом не встречаться взглядом с ним.

– Отведи детей в комнату, – распорядился Дайблер и строго взглянул на трактирщика. – Надеюсь, ты выкурил из нее паразитов? Иначе я тебя раздавлю, как блоху.

Толстяк опустил голову и перекрестился. Магдалена знала, до чего суеверными бывали люди в обществе *одного* палача. Каково же ему было принимать у себя десяток палачей? Должно быть, Дайблер выложил немалую сумму, чтобы встреча вообще могла состояться в этом трактире.

– Я, пожалуй, пойду с детьми наверх, – сказала Барбара.

Младшая сестра тоже выглядела измотанной. Только если присмотреться, можно было заметить, что тело у нее округлилось и груди стали немного больше.

– Если хочешь, могу присмотреть за Софией, – предложила Барбара. – Полезно будет немного отвлечься.

Магдалена помедлила, но потом с благодарностью передала дочку Барбаре. София радостно протянула ручонки к тете. Магдалена улыбнулась. После переполоха у ручья она все равно не сможет уснуть. Кружка пива ей не повредила бы.

Когда Барбара и дети поднялись вслед за трактирщиком по узкой, истоптанной лестнице, Магдалена с Симоном устроились рядом с Дайблером за пошарпанным, липким от пролитого пива столом. Куизль уже разговаривал о чем-то с Филиппом Тойбером. Десять лет назад им довелось пережить несколько напряженных дней в Регенсбурге, и тогда они едва остались в живых.² Магдалена невольно улыбнулась, глядя на отца. Дома он разговаривал довольно редко и мало, но, когда оказывался среди своих, буквально расцветал.

Рядом с Тойбером сидел палач с распухшим от чрезмерного пьянства носом, на котором, ко всему прочему, краснел фурункул. Возле него, уронив голову на стол, спал пьяный юноша – по всей видимости, его подмастерье, – чьи волосы плавали в пивной луже. Напротив них сгорбился с кружкой в обнимку хмурый тип с рыжими волосами. Со слов Дайблера Магдалена заключила, что это палачи из Пассау и Меммингена.

– Я, наверное, был грубоват, приношу свои извинения, – сказал Дайблер, обращаясь к Магдалене.

Только теперь она заметила, что при всей кажущейся грубости взгляд у него вполне дружелюбный. Дайблер снял шерстяной плащ, под ним оказалась белая рубашка с кружевными рукавами и чистый жилет из крашеного бархата. Мюнхенский палач явно не испытывал недостатка в деньгах.

– Непросто устроить такую встречу, – продолжал он. – Да еще эти мертвые девушки...

– Мертвые девушки? – Симон в недоумении посмотрел на палача. – А есть и другие?

Дайблер кивнул.

– Ну, это уже вторая девушка за неделю. Такое, конечно, случается постоянно, но эти два случая и вправду немного странные.

– А что случилось со второй девушкой? – спросила Магдалена и с удовольствием отпила из кружки, которую поставила перед ней служанка.

– Скверное дело, – мрачно произнес Дайблер. – Бедняжку нашли у Нижних пристаней, недалеко от Зендлингских ворот. Плотогоны, когда сплавляли лес, выловили труп из воды.

– Она захлебнулась? – снова спросила дочь палача. – Тогда не понимаю, что тут может быть странного.

– Кхм... нет. Ее пригвоздили колом.

Магдалена с Симоном на миг оцепенели. Пьяные крики сделались вдруг очень далекими. Женщина отодвинула кружку, пить неожиданно расхотелось.

– *Пронзили колом?* – переспросил Симон. – То есть ей загнали кол в сердце? Это же ужасно!

---

² Об этом рассказывается в романе О. Пётча «Дочь палача и король нищих».

– Именно, – Дайблер кивнул. – Раньше, во времена моего прадеда, такой способ казни был еще в ходу. Считалось, что таким образом злобную душу убитого можно было пригвоздить к земле. Иногда кол вводили приговоренному в задний проход и сажали, так что он еще долго...

– Бога ради, избавьте нас от подробностей! – прервал его Симон, заметно побледнев. – О жертве что-нибудь известно?

– Ну, она была из тех девиц, каких множество приезжает в Мюнхен в поисках лучшей жизни. Одна из многих сотен. Насколько мне известно, даже имени ее никто не знает... – Дайблер вздохнул и глотнул пива. – Жалко мне этих бедных девушек из деревень. Приезжают в Мюнхен в надежде устроиться служанками, а идут к собственной гибели... Должно быть, попалась какому-нибудь пьяному.

– И он вогнал ей в грудь кол? – Магдалена нахмурила лоб. – Даже не знаю...

– Эй, ты, случаем, не Ба... Барбара Куизль? – пролепетал вдруг малый с распухшим носом.

По всей видимости, это был Каспар Хёрманн, палач из Пассау. До сих пор он лишь молча таранился в свою кружку, но теперь, похоже, вышел из транса. Его белая рубашка была забрызгана соусом от жаркого и пивом, шляпа валялась раздавленной на полу.

Магдалена едва взглянула на него.

– Нет, – ответила она, поджав губы. – Барбара – это моя младшая сестра. Она уже поднялась наверх.

Хёрманн захихикал.

– То-то я думаю, старовата ты...

– Ты что себе... – вскинулась было Магдалена, но палач вскинул руки, словно просил прощения.

– Я... не то имел в виду, – прогнусавил он. – Я имел в виду, старовата для за... замужества. – Он кивнул на пьяного юношу подле себя. – Мой красавец-сын слышал про твою сестру. Твой отец написал нам письмо.

Магдалена, побледнев, взглянула на отца, который по-прежнему увлеченно разговаривал с Филиппом Тойбером. Перед ними уже выстроились в ряд пустые кружки.

«Надеюсь, ты это не всерьез, отец», – подумала Магдалена.

– Ло... Лотар у меня крепкий парень, – сообщил Хёрманн и за волосы приподнял голову сына.

Лотар уставился на них телячьими глазами. У него были кривые зубы, и нос уже распух от пьянства, как у отца. Он громко рыгнул и, когда Хёрманн отпустил его, вновь уронил голову на стол.

– Хм, пьет, может, и многовато, но со временем станет хорошим палачом. Мы с твоим отцом наверняка договоримся.

Он ухмыльнулся и поднял кружку. Магдалена брезгливо отвернулась.

– Барбара, когда увидит, каких женихов подобрал для нее отец, в лицо ему вцепится! – шепнула она Симону. – Остается только надеяться, что среди претендентов есть более привлекательные люди.

С некоторым недоумением Магдалена отметила, что муж снова погрузился в раздумья.

– Что с тобой? – спросила она. – Ты и у ручья был какой-то странный...

– Я думаю об этих монетах, которые обнаружил твой отец, – ответил Симон так тихо, чтобы остальные их не слышали. – Кажется, я такие уже видел. Эти купцы из Вероны заплатили мне похожими монетами.

Он поделился с ней своими предположениями. Магдалена напряженно слушала.

– По-твоему, эти монеты фальшивые? – спросила она наконец. – И при этом все одной чеканки?

– Не то чтобы фальшивые, но слишком легкие. И все они очень новые. Монеты, найденные у девушки, тоже были новыми, и, как мне кажется, чеканка у них та же самая... – Симон потер нос. – Но, чтобы убедиться, мне нужно взглянуть на них еще раз и хоть разок подержать в руке.

– Уверена, это будет несложно. Дайблер оставил их у себя. Не думаю, что он их просто присвоит.

Магдалена взглянула на Дайблера: тот разговаривал с рыжим палачом из Меммингена и громко смеялся. Она улыбнулась.

– А вообще, он кажется не таким уж и ужасным. Во всяком случае, для палача... – Женщина взяла кружку и чокнулась с мужем. – Черт возьми, давай просто получать удовольствие от поездки. Может быть, другие претенденты на Барбару не такие ужасные, как этот... – Она сделала большой глоток и вытерла пену с губ. – Что ж, по крайней мере, пиво в Мюнхене недурное.

* * *

Через несколько часов по переулкам Ау брели двое заметно подвыпивших малых. Они слегка покачивались, и время от времени им приходилось хвататься друг за друга. Из темных подворотен за ними наблюдали нищие, грабители и прочие мерзавцы. Обычно пьяные вроде них становились легкой добычей для вора, которого в Ау хватало с избытком. Но этих двоих никто не трогал.

Причина, скорее всего, крылась в том, что один из них был мюнхенским палачом, а второй выглядел весьма внушительно и грозно.

Грабители крестились и с молитвой на устах бежали прочь. Все-таки не исключено, что им однажды придется положиться на добрую волю палача – или на его твердую руку в случае казни.

Пьяные остановились у ручья, и гигант окунул голову в воду. Потом встряхнулся, как мокрая дворняга.

– Бр-р! Теперь хоть немного лучше, – пробормотал Якоб Куизль. – Думаю, последняя кружка была все-таки лишней.

– Черт, молись, чтобы эта ночная прогулка не прошла даром, – прорычал Дайблер. – Зачем я только согласился на эту вылазку... Ты хоть представляешь, сколько у меня дел перед завтрашней встречей? Да и добрая моя Вальбурга наверняка уже беспокоится...

– Твоя Вальбурга беспокоилась бы куда больше, если б знала, что ее муж еще час назад валялся под столом мертвецки пьяный, – ухмыльнулся в ответ Куизль. – Радуйся, что я вытащил тебя из этой дыры.

– Может, ты и прав. Пьянство, черт его дери! – Дайблер тоже сунул голову в ледяную воду. Поднявшись, он громко рассмеялся. – Ты приехать не успел, а уже суешь нос не в свои дела... Выходит, правду про тебя говорят, и не только среди палачей. Ты и этот мелкий лекарь, вы прямо как две ищейки.

– Ну, Симон скорее уж так, собачонка, – подмигнул ему Куизль. – Ну, пойдем! Я до рассвета хочу лечь спать.

Он зашагал дальше, и Дайблер, по-прежнему слегка покачиваясь, двинулся за ним. Полночи Куизль пьянствовал с другими палачами, в особенности с Филиппом Тойбером из Регенсбурга, с которым до сих пор поддерживал крепкую дружбу. Хотя пил уже не так много, как несколько лет назад, – он дал обещание дочерям. Но сегодняшняя встреча стала исключением, тем более что мюнхенское пиво и вправду было чертовски вкусным.

Тем не менее целиком отдаться веселью не получалось. Одна мысль не давала ему покоя с той самой минуты, когда Якоб снял с мельницы мертвую девушку. Ему нужно было проверить

ее, хотя бы для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. А любопытство и раньше было для Куизля лучшим другом, нежели выпивка. Поэтому он попросил Дайблера проводить его к дому судебного надзирателя.

В одном из проулков стоял домик, по виду более массивный, чем остальные халупы. Мюнхенский палач уже рассказывал, что в Ау не было собственной тюрьмы. Поэтому судебный надзиратель частенько держал подозреваемых в подвале собственного дома, вплоть до разбирательства. А если мест не хватало – то и в жилой комнате.

Куизль очень надеялся, что и тело девушки было еще там.

Дайблер с хмурым видом постучал в дверь. Короткая прогулка немного протрезвила его, и все-таки мужчина с трудом держался на ногах.

– Черт бы тебя побрал, Густль, открывай! – прокричал Дайблер, опираясь о стену. – Это я, Михаэль!

Через некоторое время из дома донесся грохот, словно кто-то свалился с кровати.

– Милостивая Дева Мария! – послышался визгливый голос Густля. – Клянусь, я ничего не делал, я...

– Дурак! – оборвал его Дайблер. – Простопусти нас, никто не собирается тебя вешать. Нам нужно кое... – он подавил икоту, – ...кое-что проверить.

Дверь отворилась, и перед ними предстал белый как мел надзиратель в ночной рубашке и накидке.

– Все равно не могу уснуть с трупом в комнате, – произнес он дрожащим голосом. – Не смог добудиться священника, чтоб занялся мертвой шлюхой. Но утром, с первыми же петухами... Эй!

Без лишних слов оба палача протиснулись в комнату. При этом Куизль ударился лбом о низкую притолоку и недовольно заворчал себе под нос. Голова у него и так болела.

Тело, лишь замотанное наскоро в полотно, лежало на столе посреди комнаты. Взглянув на него, Куизль мигом протрезвел. Только теперь он обратил внимание, до чего же она худая – и совсем еще юная. На вид ей было лет шестнадцать или семнадцать, не больше. Золотистые волосы, бледная кожа и множество веснушек, несмотря на холодное время года. На мгновение Куизль проникся жалостью к этому ребенку: еще вчера она, наверное, жила мечтами и заботами молодых девиц. Он представил себе, что на ее месте могла быть Барбара. Но потом прогнал эту мысль и сосредоточился на предстоящем деле. Палач склонился над девушкой...

И потянул носом.

– Эй! Что это он там делает? – возмутился Густль, вошедший вслед за ними в комнату. – Это мой дом, и я не позволю... Это же отвратительно!

– Здесь тюрьма Ау, и мой друг помогает разобраться в преступлении, – прорычал Дайблер, который по-прежнему боролся с икотой. – Так что помолчи, Густль.

Попытки унять икоту придавали ему вид еще более свирепый, чем обычно. Цветом лица он теперь и сам напоминал покойника. Густль подался назад в смятении и замолчал.

– Ну как, выяснил что-нибудь? – спросил Дайблер через некоторое время.

Куизль втянул воздух над трупом. Несмотря на холод, тело начинало уже издавать зловоние. Палач всегда мог положиться на свой нюх, но сладковатый запах, который Якоб уловил еще вечером, развеялся. И расширенные зрачки, на которые он обратил внимание у ручья, стали нормальными. До этого зрачки показались ему слишком широкими, а у покойников они, как правило, не такие. А может, ему просто показалось?... Палач склонился над приоткрытым ртом. Здесь еще угадывался слабый запах. Куизль обнюхал ее лицо, затем перешел к ладоням, в предсмертных судорогах стиснутым в кулаки. Он хотел уже отвернуться, но тут заметил слабый блеск между пальцами левой руки.

– Что-то зажато в кулаке, – с нахмуренным лицом сообщил Якоб и повернулся к надзирателю. – У тебя есть клещи? Тело уже окоченело, просто так пальцы не разогнуть.

– Боже правый, ты же не собираешься... – начал было Густль, но Якоб отмахнулся:

– А может, и так получится.

Он надавил на онемевшие пальцы. Послышался громкий хруст. Надзиратель вздрогнул.

– Ну вот, что я говорил!

Палач с торжествующим видом поднял тонкую цепочку с крошечным медальоном. При-
смотрелся внимательнее.

– Хм, женщина в венце, да еще с нимбом... Должно быть, Дева Мария. Спрашивается, что делает медальон у нее в руке.

– Может, она хотела с его помощью уберечься от смерти? – предположил Дайблер.

– Ну, это может означать что угодно. Но я, кажется, знаю, отчего умерла бедная девочка, – отозвался Куизль. – Только вот чтобы убедиться в этом, нужно ее вскрыть.

Густль издал слабый стон. Дайблер тоже растерял былую уверенность.

– Якоб, чтоб тебя! – прошипел он. – Это может стоить мне должности. Если об этом узнает мюнхенский судья...

– Ты ведь тоже хочешь знать, что стоит за этим убийством, – возразил Куизль. – Ну так не валяй дурака! Можно подумать, палачу впервые доводится вскрывать труп.

– Да, но не жертву же убийства! Висельников, про которых никто и не вспомнит, я и сам иногда взрезаю. Из чистого любопытства. Ну, и сердце какого-нибудь вора можно продать за хорошие деньги... Я даже получил разрешение от мюнхенского судьи. Но сейчас это может дорого обойтись нам обоим.

Якоб пожал плечами.

– Ничего нам не будет, если я аккуратно ее зашью и она будет в платье. Никто даже не заметит.

Дайблер помялся в нерешительности и наконец вздохнул.

– Ладно, в интересах истины...

Он достал две серебряные монеты и сунул надзирателю, который внимательно следил за их разговором.

– Это из кошелька девицы, – пояснил Дайблер. – Можешь оставить их себе, если будешь держать рот на замке. Через неделю получишь еще талер. Ну а если проболтаешься... – В его голосе прозвучала угроза.

– Я... я нем как могила, – пролепетал Густль и жадно сграбастал монеты.

– Тогда покончим с этим поскорее.

Куизль задрал на девушке платье. Потом вынул нож, такой же острый, как и палаческий меч, и сделал первый надрез сверху вниз.

За свою жизнь Якоб взрезал уже десятки трупов. Его, как и Дайблера, завораживал внутренний мир человека, до сих пор почти неизведанный. В вопросах медицины Куизль, с полным на то основанием, считал себя более сведущим, чем большинство ученых врачей от Мюнхена до Шонгау. Дома у него имелась небольшая библиотека на латыни, уйма всевозможных лекарств и хирургические инструменты, которые он время от времени одалживал своему зятю.

«И все равно он – лекарь, а я – презренный палач», – промелькнула у него мысль.

Якоб рассек тонкий слой кожи и жира, затем взрезал соединительную ткань и осторожно раздвинул внутренности. Он осмотрел по очереди каждый орган, хотя, в сущности, интересовал его только один: туго наполненный ярко-красный мешочек. Отыскав желудок чуть ниже грудины, палач надрезал его, и оттуда хлынула красновато-черная масса.

В ней обнаружились черные ядрышки и полупереваренная кожура. Комнату наполнил уже знакомый сладковатый запах, который подтвердил предположение Куизля. Палач торжествующе ухмыльнулся.

– Так я и думал, – проговорил он.

– Господи, о *чем* же ты думал? – прохрипел Дайблер, зажимая нос. – Говори, не тяни! Мне и так уже дурно.

Соответствующие звуки из соседней комнаты говорили о том, что Густль не выдержал ни запаха, ни зрелища. Якоб накинул полотно на тело и повернулся к Дайблеру.

– Желудок полон ягод красавки, – пояснил он. – Бедняжка, должно быть, съела их целую миску. Думаю, это был компот с черникой или ежевикой. Я еще вчера почуял запах, да и зрачки у нее были чуть расширены. Значит, она отравилась не так уж и давно, – он кивнул на труп под полотном. – Содержимое желудка все показало.

– Хм... Выходит, она по каким-то причинам приняла яд, привязала к поясу мешок с камнями и бросилась в ручей? – спросил Дайблер. – По-твоему, так все было?

Куизль задумчиво склонил голову. Он с удовольствием сейчас закурил бы, но у него и так болела голова от густого дыма в трактире.

– Красавка весьма коварна, – задумчиво произнес Якоб. – Три-четыре ягоды возбуждают желание, но дальше наступает безумие, а потом и смерть. Судя по расширенным зрачкам, можно предположить, что девушка была не в себе, прежде чем оказалась у ручья. В таком состоянии мешок с камнями к поясу не привяжешь. Кроме того, это не могло остаться без внимания. Отравленные впадают в бешенство, орут и бесятся...

– И что ты думаешь? – Дайблер выставил подбородок. – Выкладывай! Я же по глазам вижу, что у тебя есть предположения.

– Думаю, эту девушку кто-то отравил. Судя по всему, это засахаренные или высушенные ягоды красавки. В это время года сама она набрать их не могла. Девочка, должно быть, съела их с большим аппетитом. В желудке имеются остатки какой-то выпечки. Убийца дождался, когда бедняжка умрет, затем притащил ее к ручью, привязал к поясу мешок с камнями и утопил.

– Тогда и с медальоном все стало бы понятно, – добавил Дайблер. – Может, она надеялась замедлить действие яда, вот и схватилась перед смертью за амулет...

– При таком количестве ягод даже пресвятая Дева Мария бессильна. Как бы там ни было... – Куизль снова показал на труп, – ...это было не самоубийство, Михль, а четко спланированное убийство. И убийца разгуливает где-то по Ау... – Он устало потянулся. – А теперь принеси-ка мне иголку с ниткой, чтобы мы успели хоть пару часов поспать перед завтрашней встречей.

Пока Якоб зашивал труп, его не покидало странное чувство, будто он что-то упустил – что-то связанное с мертвой девушкой и ее вскрытием. Но голова по-прежнему была слишком тяжела, чтобы раздумывать над этим.

И постепенно эта существенная деталь ускользнула от его внимания.

3

Ау,

3 февраля 1672 года от Рождества Христова

Поздним утром по мосту через Изар в направлении Ау шагали двое мужчин. Один из них прихрамывал. Второй был помоложе: рослый, широкоплечий колосс. Другие путники охотно уступали ему дорогу. Он нес мешок за спиной и постоянно оглядывался по сторонам. Его густая борода давно уже не видела цирюльника. А нос был такой же крупный и слегка изогнутый, как у отца.

Магдалена узнала брата и дядю, когда их разделяла еще добрая сотня шагов. Она помахала им и устремилась навстречу, крикнув:

– Георг, Георг! Мы здесь!

Георг тоже ее заметил. Он приветственно вскинул руку и ускорил шаг, так что его старший спутник с трудом за ним поспевал. Бартоломей Куизль, брат Якоба, хромал с самого детства, хотя это не помешало ему стать мастером своего дела. Уже много лет он служил палачом в Бамберге и состоял в Совете Двенадцати. Георг, его племянник и подмастерье, должен был стать его преемником. Якоб Куизль так и не свылся с тем, что его собственный сын предпочел остаться у дяди Бартоломея, более успешного палача, вместо того чтобы вернуться в Шонгау, к отцу.

Магдалена между тем подбежала к Георгу, и брат с сестрой радостно обнялись. С их последней встречи, когда Георг на пару недель приезжал в Шонгау, прошло больше двух лет. Он заметно переменился. Сейчас ему стукнуло девятнадцать, и это был настоящий мужчина, почти такой же крупный, как отец, но при этом более жилистый и крепкий. Сложно было поверить, что он приходится Барбаре братом-близнецом. Магдалена вспомнила, как раньше напевала им колыбельные перед сном. С тех пор прошло не так уж много лет, и тем не менее перед ней стоял уже взрослый мужчина.

– Младшим братиком я тебя уже вряд ли назову, – сказала Магдалена и тронула плечо Георга. – Чем же дядя тебя кормит? Каждый день дает свиные отбивные и колбасы?

– И к ним еще клецки по-франконски, – ухмыльнулся Георг и с напускной грустью погладил живот. – Правда, сегодня я с самого утра ничего не ел. Так что неплохо бы перекусить.

Тем временем к ним присоединился и дядя Бартоломей.

– Дорога из Бамберга была настоящей пыткой, хуже всякой дыбы, – проворчал он.

Как у всякого представителя Куизлей, его отличали крючковатый нос и массивная фигура. Он давно начал лысеть, и за последние годы волос у него почти не осталось.

– Ума не приложу, зачем я только приперся на эту чертову встречу! – выругался он. – Надеюсь, хоть пиво у них приличное.

Магдалена улыбнулась. Якоб с Бартоломеем на самом деле терпеть не могли друг друга, но при этом были очень похожи, когда начинали ворчать и высказывать недовольство. Вероятно, эта черта тоже была присуща всем Куизлям.

– Пиво отменное, не переживай, – успокоила она Бартоломея и со страдальческим видом потерла виски. – Если там что-нибудь осталось. Некоторые из палачей прибыли еще вчера и хорошо приложились. Особенно отец с Дайблером.

– Да и ты, видно, тоже! – рассмеялся Георг.

– Что ж, посмотрим, остался ли там хоть бочонок, – проворчал Бартоломей. – Жажда замучила, готов Изар целиком выдуть.

Прихрамывая, он двинулся дальше. Георг между тем оглядывал узкие зловонные переулки.

– Хорошее место выбрали для встречи, нечего сказать... – Он усмехнулся. – В общем-то, такого и следовало ожидать. Палач из Вены как-то говорил, что не прочь бы узнать, где находится этот город Ау. Ведь столько висельников, которых он вздернул, родом именно оттуда...

– Только при Барбаре ничего такого не говори, – предупредила Магдалена. – Она и так в безграничном восторге от нашего пристанища.

При упоминании сестры Георг просиял. В детстве близнецы жили душа в душу, и Магдалена не исключала, что Барбара согласилась поехать в Мюнхен в том числе и потому, что хотела повидаться с братом. У нее даже возникла мысль рассказать Георгу о беременности Барбары. Однако момент был не самый подходящий. Возможно, позже Барбара сама посвятит его в эту тайну. Они и раньше всегда делились друг с другом своими заботами.

– Верится тебе, может, и с трудом, но Барбара иногда снится мне, – с улыбкой сообщил Георг. – Мы так долго не виделись, а я до сих пор помню ее лицо, будто вижу перед собой... Как она?

Магдалена вздохнула.

– Не очень, если учесть, какие планы вынашивает на ее счет отец.

Она рассказала ему о планах отца и трех претендентах из круга палачей.

– С одним я уже познакомилась, – закончила Магдалена. – Сын палача из Пассау, безобразный пьяница.

– Но при этом хорошая партия, – заметил Георг. – Пассау – крупный город, для палача там всегда найдется работа.

– Вот теперь ты говоришь как отец, – Магдалена покачала головой и показала в сторону трактира. – Барбара в комнате наверху, с Софией. Мальчики, наверное, тоже там.

– София? – Георг нахмурил лоб, но потом сообразил. – Конечно, ты же писала мне про нее! Выходит, у тебя уже трое детей... Время и вправду летит чертовски быстро.

Магдалена слабо улыбнулась.

– Тебе бы вернуться в Шонгау, братец. Отец тоже уже немолод.

– Как знать, может, и вернусь, – ответил Георг с мрачным видом. – Даже раньше, чем хотелось бы.

– В каком смысле?

Он махнул рукой.

– Скоро сама все узнаешь. Дай для начала увидиться с семьей. О многом нужно поговорить.

Они вместе двинулись по обледенелой улице к трактиру. Магдалена молчала, но еще долго раздумывала над последним замечанием Георга. Что он хотел этим сказать? Судя по всему, Барбара не единственная в их семье столкнулась с трудностями...

* * *

Сход палачей состоялся ровно в полдень, в отдельном зале, обычно отводимом под свадебные торжества. Но Магдалена подозревала, что об этом событии хозяин старался не распространяться. Кому понравится сидеть в одном трактире с дюжиной нечестивых палачей? Магдалена понимала теперь, что отец был прав: в Мюнхене такая встреча состояться просто-напросто не могла бы. А вот в Ау для подобного события самое место – среди проходимцев, авантюристов и прочего отребья.

Магдалена прислонилась к стене рядом с дверью и наблюдала за происходящим. Теперь почти вся дюжина палачей была в сборе. С ними также прибыли их подмастерья и ученики, так что всего насчитывалось почти тридцать участников. Магдалена взидала на всех этих людей, таких разных и в то же время связанных общим делом: все они служили орудиями смерти.

При этом кое-кто из присутствующих заметно преуспел в своем ремесле. Многие пришли в одеждах из дорогих тканей, причем некоторые разодеты были до того пестро, что походили на экзотических птиц. Все казались напряженными и замкнутыми, и тем не менее каждый из них чувствовал себя в родной среде. Магдалена взглянула на отца, который разговаривал со своим братом: похоже, что в этот раз обошлось без споров, в виде исключения. Остальные палачи тоже пребывали в прекрасном настроении, чему, вероятно, способствовал большой бочонок пива, стоявший на столе посреди зала. У каждого палача имелась собственная оловянная кружка, на которой было выбито его имя – так предписывали старинные традиции и меры предосторожности: чтобы порядочные горожане не боялись случайно выпить из кружки палача и тем самым обесчестить себя. Многие из мужчин курили трубки, так что дым клубился, как в преисподней.

В дальнем углу сидели Георг с Барбарой, очевидно погруженные в серьезный разговор. Магдалена пока не знала, известно ли уже Георгу о положении сестры. Еще утром близнецы довольно долго разговаривали – правда, их постоянно отвлекали Петер с Паулем. Младший из племянников особенно почитал Георга: в последний свой приезд дядя вырезал для него деревянные мечи и множество других игрушек. Сейчас Пауль бегал наперегонки с уличными мальчишками, в то время как Петер читал в верхней комнате и присматривал за спящей Софией.

– Воистину, не место женщине среди этих грубых палачей, провонявших пивом и табаком. Простите нам наше поведение, милостивая сударыня.

Магдалена вздрогнула. Низкий, приятный на слух голос заставил ее обернуться. Рядом оказался один из палачей, которых она видела еще накануне. Правда, он явился позже остальных. Если ей не изменяла память, это был Конрад Неер из Кауфбойерна.

– О, я успела привыкнуть, пока жила с отцом, – ответила она с улыбкой.

– Охотно верю, – усмехнулся в ответ Неер. – Из того, что известно о вашем отце, к некоторым вещам действительно следовало привыкнуть.

Магдалена рассмеялась. Для палача этот Неер был довольно обаятельным. На вид ему было около пятидесяти, и выглядел он вполне ухоженным: мягкие черты лица, расчесанные волосы с проседью, чистый кружевной воротник. В глазах читались сочувствие и дружелюбие. Кроме того, такая манера речи была присуща скорее благородному господину, чем неотесанному палачу. Глотнув пива из кружки, Неер кивнул в сторону Барбары, по-прежнему погруженную в разговор с Георгом.

– Это, вероятно, и есть ваша младшая сестра. Сходство между вами и вправду поразительное. И ваша красота. Вашему супругу действительно повезло... – Он огляделся по сторонам. – Его разве не будет на нашем собрании?

– Кхм... мой муж придет чуть позже, – ответила Магдалена. – У него появились кое-какие дела в городе.

Она прикусила губу. Симон до сих пор где-то пропадал, и Неер своим вопросом напомнил ей об этом. Утром, едва поздоровавшись с Георгом и Бартоломеем, Фронвизер отправился в Мюнхен, чтобы разыскать этого прославленного врача, столь необходимого для публикации его трактата. Имя доктора уже вылетело у Магдалены из головы, и, в сущности, ей не было до этого никакого дела. Симон без конца болтал про этот свой трактат и уже начинал действовать ей на нервы.

Муж пообещал вернуться точно к полудню, но время близилось к часу, а его все не было. И все из-за этих каракуль, которыми он долгие месяцы изводил всю семью! Магдалена знала,

как крепко Симон любил ее, но в то же время он любил и свою работу. И порой так глубоко погружался в мир медицины, что забывал обо всем остальном...

– Вас не затруднило бы представить меня вашей сестре? – неожиданно спросил Неер.

Магдалена вздрогнула.

– А для этого есть какие-то основания?

Палач из Кауфбойерна улыбнулся.

– Ну, ваш отец написал мне письмо. Уверен, вам уже известно его содержание...

Магдалена не смогла сдержать легкого вздоха.

Ага, второй претендент. Что ж, могло быть и хуже...

– Ну... кхм... – начала она, запинаясь. – Момент, возможно, не самый подходящий. Но я, конечно, могу... если вам...

Магдалена облегченно замолчала, поскольку в этот миг дверь распахнулась и в зал вошел еще один палач. Все взоры устремились к нему, и разговоры мгновенно смолкли.

Вошедший был высоким и тощим, с длинными волнистыми волосами и ухоженными усами. Сюртук и рубашка ярко-красного цвета были сшиты из тончайшей материи. В левой руке он держал трость с костяной рукоятью, на пальцах поблескивали многочисленные перстни. Мужчина обвел комнату властным взглядом, пока не отыскал среди присутствующих Михаэля Дайблера.

– Черт подери, Дайблер, куда ты меня заманил? Что это за вонючий клоповник? – спросил он скрипучим голосом на растянутом франконском диалекте, совершенно не подобающем его изящным манерам. – По пути наша карета чуть не опрокинулась в канаву, на улицах воняет дерьмом и заразой, а моим четверым кнехтам придется ночевать в сарае! Дьявол, разве так делают?

– И тебе доброго дня, Видман, – ухмыльнулся в ответ Дайблер, не давая выбить себя из колеи кичливыми придирками. Он неспешно поднялся со своего места и приветственно кивнул. – Мы все тебя ждали.

– В свое время, когда я устраивал встречу в Нюрнберге, вино лилось рекой, – продолжал ворчать Видман, презрительно оглядывая задымленную комнату. – Мы собирались в трактире «У Золотого Орла», угощались утками и паштетами...

– Да-да, и ты толкал речи до самого утра, – прервал его Дайблер. – Это я хорошо помню. Это было вскоре после войны, тогда до горстки палачей никому не было дела, тогда все мы были убийцами. Но времена изменились, Видман. Мне повезло, что я получил эту таверну в Ау. Как по-твоему, чего мне стоило добиться от курфюрста одного только разрешения на эту встречу? – Он показал на свободный стул. – А теперь тащи сюда свой тощий зад, и мы наконец-то начнем.

Иоганн Видман оглядел присутствующих.

– Нас только одиннадцать. Кого-то не хватает.

– И все равно дольше ждать мы не можем, – ответил Дайблер. – Иначе некоторые уже напьются, а мы и начать толком не успеем. – Он хлопнул в ладоши. – Ну, любезные кумовья, занимайте свои места.

Магдалена так и не привыкла к тому, что палачи называли друг друга кумовьями и братьями. Но, поскольку дети палачей выбирали супругов среди себе подобных, все они состояли в родстве в нескольких поколениях.

«И мы, возможно, скоро породнимся с подмастерьем из Меммингена или палачом из Кауфбойерна, – с горечью подумала Магдалена. – Или кого там еще отец выбрал для Барбары...»

Пока одиннадцать палачей рассаживались вокруг стола, их подмастерья и члены семей направились к стульям, расставленным вдоль стены, словно лучшие места перед эшафотом.

Георг сел рядом с Магдаленой, а Барбара устроилась поближе к двери. Лицо у нее было неподвижное, и казалось, она готова в любой момент сорваться и выбежать.

– Ну, о чем говорили? – шепотом спросила Магдалена.

– Она рассказала мне, что беременна, – тихо ответил Георг. – Еще утром. Мы поругались. – Он нахмурился. – По-моему, Барбара так и не поняла, что у нее нет иного выбора, кроме как выйти замуж.

– Отец пока ничего не знает, – прошипела Магдалена. – И Боже упаси, если он когда-нибудь узнает!

Георг мрачно кивнул.

– Ей повезло, что в Мюнхене она еще сможет выкрутиться без особых последствий! Жениха, конечно, придется поставить в известность, от него долго скрывать это не получится... Хотя, по-моему, все упирается в деньги. А уж Барбару плохой партией точно не назовешь.

– Знаю, – Магдалена вздохнула. – Я, кстати, познакомилась со вторым претендентом. Это Конрад Неер из Кауфбойерна.

– Хм, не худший выбор, – Георг склонил голову. – Неер – человек порядочный. У него недавно умерла жена, и детей, насколько мне известно, нет. К тому же Кауфбойерн не так далеко от Шонгау. Во всяком случае, ближе, чем Пассау, где живет этот пьянчуга Хёрманн.

– Или Бамберг, – мрачно добавила Магдалена. – Что ты имел в виду, когда говорил, что скоро, возможно, вернешься в Шонгау?

Георг открыл было рот, но в этот момент Михаэль Дайблер, глава гильдии, трижды хлопнул в ладоши.

– Начнем же, братцы! – объявил он. – И да поможет нам черный кот и петля в три узла.

– И да поможет нам черный кот и петля в три узла, – пробормотали хором палачи и одновременно ударили кулаками по столу, так что бочонок с пивом едва не опрокинулся. В этом также усматривался старинный ритуал, из тех, что были приняты во всякой гильдии.

Дайблер единственный сидел во главе стола. Он взял зажженную лучину и поднес к черной свече. Такие же свечи стояли перед каждым из палачей, и зажигали их в строгой очередности. Стояла напряженная тишина, и происходящее чем-то напоминало святое причастие в церкви.

Когда все свечи наконец зажглись, Дайблер достал тонкий пруток, поднял его над головой и переломил. Только теперь было прервано молчание. Палачи подняли именные кружки, сделали несколько больших глотков, и Дайблер взял слово:

– Почтенные братья, я рад, что через столько лет нам вновь удалось собрать наш Совет. Нам многое предстоит обсудить. Прежде всего необходимо подумать, как нам противостоять ученым врачам, они ведь с таким усердием пытаются отнять у нас право врачевать.

– Чертовы коновалы! – выкрикнул Каспар Хёрманн из Пассау. – Чтоб им всем пусто было!

Уже сейчас, в полдень, он был в стельку пьян и с трудом ворочал языком. Некоторые из палачей поддержали его недовольным ворчанием.

«Может, оно и к лучшему, что Симона здесь нет», – подумала Магдалена.

– Тишина! – Дайблер предостерегающе поднял руку. – К врачам и другим вопросам мы перейдем позже. А прежде необходимо представить нашего нового участника. Всем известно, что в наши ряды принимаются только лучшие палачи Баварии! Для меня большая радость и честь сообщить вам, что теперь вместе с Бартоломеем Куизлем за этим столом сидит и его брат, Якоб Куизль из Шонгау. Двенадцатое место освободилось, когда уважаемый всеми нами Филипп Хартманн из Аугсбурга приобрел бюргерские права. – Он показал на Куизля, сидящего напротив со скрещенными на груди руками. – Что ж, полагаю, все вы хорошо знаете Якоба и много рассказывать о нем нет нужды. Он был избран большинством участников.

– Хоть и не всеми, – едко заметил Иоганн Видман, поглаживая бороду.

Дайблер не обратил внимания на его замечание.

– Все мы знаем, что Якоб Куизль превосходный палач и целитель...

– Хоть и проявляет излишнее сочувствие, – перебил его, ухмыляясь, малый с рыжими волосами и шрамами на лице. Это был Маттеус Фукс из Меммингена, Магдалена видела его еще накануне. – Ха, если будет продолжать в том же духе, он подпортит нам репутацию кровопийц! В конце концов грешники на эшафоте станут пожимать нам руку и благодарить.

Остальные разразились хохотом, и Куизль с нарочито виноватым видом опустил глаза. Дайблер двинулся к нему с наполненной до краев пивной кружкой, на которой было выбито имя Куизля.

– Плоть от нашей плоти, кровь от нашей крови, – начал он громким голосом. – Добро пожаловать в Совет Двенадцати, любезный кум, и прими свое крещение!

Согласно обычаю, Дайблер облил Куизля пивом, после чего с поклоном вручил ему кружку. Якоб встряхнулся, как мокрая дворняга, и остальные палачи дружно рассмеялись и застучали кружками по столу.

– Как того требует обычай, наш кум приехал со своей семьей, – продолжил Дайблер и показал на ряды стульев. – Со своим сыном Георгом, подмастерьем из Бамберга, и дочерьми, Магдаленой и Барбарой. Младшая дочь у Якоба настоящая красавица, да к тому же не замужем.

Дайблер с улыбкой обратился к Барбаре, неподвижно сидящей у двери.

– Ну, девочка, поднимись, чтобы все могли полюбоваться тобой, – попросил палач.

Барбара, однако, поджала губы и скрестила руки. Магдалена видела, как отец покраснел от злости. Он собрался уже возвысить голос, но Барбара все же поднялась и молча разгладила платье. При этом ее немного трясло, глаза сверкали, что придавало ей облик взбешенной ведьмы.

«Чертовски привлекательной ведьмы», – подумала Магдалена.

На палачей внешность Барбары, очевидно, тоже произвела впечатление. Кто-то присвистнул, другие лукаво поглядывали на Куизля.

– А ты уверен, что девка от тебя, Якоб? – хихикнул низкий палач с горбом. – Милое дитя совсем на тебя не похоже. Куда девался здоровенный нос?

Остальные расхохотались, и никто, кроме Магдалены, не заметил, как по щеке Барбары скатилась слеза.

– Дьявол, они будто лошадь на рынке выбирают! – прошипела Магдалена. – Почему отец ничего не скажет?

– А, такая уж суть у мужчин, – Георг пожал плечами. – Барбара вытерпит, вот увидишь.

– Мне бы твою уверенность, – мрачно возразила Магдалена.

В этот миг Каспар Хёрманн поднялся из-за стола и, покачиваясь, направился к Барбаре.

– И думать про нее забудьте! – пролепетал он и оглянулся на остальных. – Ее отец написал мне письмо, сделка уже обстряпана. – Хёрманн поклонился Барбаре и показал на своего сына, сидящего у стены и ковыряющего в зубах. – Ну, можешь поцеловать своего будущего же...

Он поскользнулся в луже пива и растянулся на полу. Остальные палачи взревели от восторга. Потом из-за стола поднялся Конрад Неер из Кауфбойерна и обратил внимание на себя.

– Почтенный кум, – начал он мягким голосом, обращаясь к Куизлю. – Ты писал о своей дочери не только Хёрманну, но и мне. И за это я весьма признателен. Только вот мне кажется, это не самое подходящее место, чтобы знакомиться с такой милой девушкой. – Он с улыбкой повернулся к Барбаре. – Быть может, в ближайшее время нам выпадет случай прогуляться вдоль Изара...

– Неер, ты всерьез полагаешь, что прелестной девице есть дело до старого тюфяка вроде тебя? – резким голосом прервал его Иоганн Видман. – В твоей постели холодно, как в зимнем лесу! Там, говорят, давно уж ничего не шевелится! А может, и не шевелилось никогда – ведь наследников, если не ошибаюсь, у тебя до сих пор нет.

Другие снова рассмеялись, а Конрад Неер заметно вздрогнул. Он задрожал от ярости и, стиснув кулаки, двинулся было к нюрнбергскому палачу, но Дайблер встал у него на пути.

– Никаких драк между братьями! – заявил он. – Во всяком случае, не в моем присутствии. – Он развернулся к Видману: – И ты, Иоганн, попридержи язык! Ты, может, и самый богатый среди нас, но это не дает тебе права оскорблять других. Если тебе есть что сказать, выкладывай по существу.

– Я только пошутил, вот и всё, – Видман примирительно поднял руки. – Но ты прав, Михаэль, – он широко улыбнулся и обратился ко всем: – Якоб Куизль и мне написал письмо. Ему известно, что моя супруга навсегда покинула нас прошлой осенью, когда родила мне пятого ребенка. Я поначалу не стал отвечать, потому как считал, что палачка из Шонгау не впишется в богатую жизнь Нюрнберга. Но теперь... – Он оглядел Барбару и облизнул подстриженные усы. – Хм, должен признать, ее красота компенсирует кое-какие недостатки. А моим сыновьям срочно нужна новая мать, чтобы готовила, кормила и меняла пеленки младшенькому. – Он вопросительно взглянул на Куизля. – Так что, может она кормить? Во всяком случае, груди у нее кажутся вполне зрелыми...

– Если вам нужна кормилица, купите себе козу. Она лучше других подойдет и вашему семейству, и вашей козлиной бородачке!

Впервые за все это время Барбара раскрыла рот. В комнате сразу повисло напряженное молчание.

– Да... как ты смеешь... – прошипел наконец Иоганн Видман. Он побагровел от злости и резко вскочил, так что соседи с трудом усадили его на место. – Палаческое отродье, грязная девка! – ругался он. – Ну нет, от тебя я такого не потерплю!

– Вы ведь тоже *палач*, – холодно ответила Барбара. – Неужели забыли? Все мы, кто есть в этой комнате, – грязные, нечестивые и неприкасаемые, и благородный господин Видман из Нюрнберга не исключение. Вы тоже не золотом гадите.

Среди палачей поднялся ропот. Некоторые стучали кружками по столу, но при этом кое-кто украдкой усмехался.

– Приношу извинения за свою дочь, – произнес наконец Якоб Куизль. Он поднялся, и Магдалена увидела, как его трясет от злости и стыда. Он выглядел сердитым и обиженным и, казалось, постарел на глазах. – Она... бывает, говорит быстрее, чем думает...

– Так ради Бога, Якоб, научи ее манерам! – рявкнул Видман. – Такое поведение никому...

В этот момент неслышно отворилась дверь, и палач замолчал. Казалось, ее приоткрыло порывом ветра.

Очень холодного ветра.

В комнату вошел человек с белоснежными волосами, собранными в хвост, одетый во все черное. Он был широкоплеч, с массивной шеей и лицом белым как мел; только глаза сверкали красным, как у крысы. У Магдалены мороз пробежал по коже, и она с трудом сдержала крик. Она знала этого человека, но никак не ожидала увидеть его здесь.

«Двенадцатый палач, – подумала она. – Господи, знал ли отец об этом?»

Никто из одиннадцати палачей не проронил ни слова. Казалось, между ними и человеком у двери выросла невидимая стена.

– Добро пожаловать, мастер Ганс из Вайльхайма, – холодно поприветствовал его Дайблер и показал на свободное место. – Мы уже начали без тебя.

– Прошу прощения, добрые братья. – Губы его скривились в улыбке, но глаза при этом оставались холодными, словно на свинцовое лицо нацепили маску. – Меня задержали дела. Треклятый вор из Пеля... обчистил церковь и не желал признаваться. Утверждал, что невиновен. – Мастер Ганс вытер руки о плащ, и Магдалене показалось, что ладони у него в засохшей крови. – Ну, как бы там ни было, – продолжил он тихо, – в конце концов сознаются все. Верно?

Он неожиданно повернул голову и посмотрел на Барбару. Лицо у нее сделалось таким же белым, как у мастера Ганса.

– А, здравствуй, Барбара, – прошептал палач, и губы его снова скривились в улыбке. – Хорошо, что нам вновь довелось встретиться. В прошлый раз обстоятельства были... не совсем благоприятные.

В тот же момент Барбара вскочила. Ее стул с грохотом опрокинулся, и она выбежала за дверь. Ее торопливые шаги затихли где-то в отдалении.

– Барбара, не делай глупостей! – закричала Магдалена. – Барбара!

Не дожидаясь, пока придет в себя Георг, она бросилась вслед за сестрой. Промчалась по общему залу, мимо гостей и напуганных служанок с кружками, и выбежала на вымерзшую улицу. Но Барбару нигде не было видно – должно быть, она уже свернула в какой-нибудь из тесных проулков. Магдалена плотнее закуталась в плащ и с тяжелым сердцем отправилась на поиски.

В душе нарастал парализующий страх, что она больше не увидит свою сестру.

Мастер Ганс вернулся в жизнь Барбары.³

* * *

В это самое время Симон открывал для себя мир совершенно противоположный.

Он прогуливался по широкой мощеной улице. По обе стороны тянулись высокие фахверковые дома, пестрые жестяные таблички над тавернами привлекали гостей, вдоль мостовой, как жемчужины на нитке, выстроились повозки и кареты. Движение то и дело стопорилось, извозчики бранились и размахивали кнутами. Уличные мальчишки подбирали конские яблоки, пробегая при этом в опасной близости от храпящих тяжеловозов.

Симон закрыл глаза и принялся. В самом Мюнхене тоже стояла вонь, но, в отличие от Ау, здесь эта вонь казалась... более изысканной. Здесь пахло жарким с редкими пряностями и пролитым вином, замерзшим посреди улицы. Свежей кровью тянуло из лавки мясника и дорогим светильным маслом – из мещанских домов. Пахли смолой недавно срубленные сосны, доставляемые на повозках по многочисленным стройкам. Отовсюду неслись крики и шум, и в гуще голосов наряду с баварским Симон то и дело выхватывал фразы на итальянском и даже французском.

На площади по правую руку разместился небольшой рынок, и там, помимо всего прочего, продавались также ароматные травы. Фронвизер улыбнулся. Здесь наверняка найдутся и его любимые кофейные зерна. В Шонгау их обычно привозили торговцы из Аугсбурга, но все его запасы уже иссякли. В Мюнхене, наверное, можно найти все, чего только душа пожелает. Этот город был самым грандиозным местом, в котором ему довелось побывать. Поселиться здесь...

– Дурак, уйди с дороги!

Прямо на него с грохотом неслась карета с синим пологом. Симон только сейчас заметил, что вышел на самую середину улицы. В последний момент он успел отскочить в сторону, обляпавшись при этом грязью. Извозчик сердито погрозил ему кулаком.

– Про... прошу прощения, – пробормотал Симон, хотя тот вряд ли услышал бы его.

Несмотря на холод, лекарь чувствовал себя словно закутанным в одеяло. Возможно, что причина была в двух кружках вина, выпитых недавно в одном из трактиров. Ему ведь нужно было как-то скоротать время. С самого утра Симон пришел в Мюнхен и расспросил множество людей в поисках нужной улицы. В конце концов кто-то объяснил ему, где живет прославленный доктор Малахия Гайгер. И вот он в очередной раз проговаривал про себя речь, в которой намеревался представиться доктору.

---

³ О мастере Гансе см. роман О. Пётча «Дочь палача и театр смерти».

Приветствую вас, почтенный коллега. Я лекарь Симон Фронвизер из Шонгау. Мне бы хотелось поделиться с вами кое-какими наблюдениями, которые, как я полагаю, могут вас заинтересовать. Если б вы уделите мне...

Симон покачал головой. От «почтенного коллеги» в начале лучше, наверное, отказаться. Назвать себя коллегой доктора Малахии Гайгера, пожалуй, было бы слишком самонадеянно. Семейство Гайгеров принадлежало к самым почитаемым династиям в Баварии, в их число входили даже дворяне. Гайгеры лечили королей и курфюрстов, учились в Париже или Падуе, и некоторые их труды уже стали эталонами медицинской литературы, в особенности «Правила предосторожности против чумы» Малахии Гайгера, которые Симон перечитал уже раз десять. Именно так у него и родилась идея рассказать Гайгеру о собственном трактате и попросить его о помощи в публикации.

Теперь, когда он наконец-то оказался в Мюнхене, эта идея казалась ему возмутительной и просто-напросто глупой.

Тем не менее утром Симон разыскал дом Гайгера – внушительное фахверковое строение на Зендлингской улице, одной из главных улиц Мюнхена. Но Гайгера не оказалось дома, и Симону предложили вернуться ближе к полудню. В итоге он выбрал трактир поприличнее и за кружкой вина с сыром и хлебом принялся вносить бесконечные правки в свою работу. Исправлений было уже столько, что Фронвизер с трудом разбирал собственные записи.

Зажав под мышкой свернутые страницы, он вернулся к дому Гайгера, во второй раз поднялся по ступеням и осторожно постучал в дверь. Спустя некоторое время ему открыл молодой человек в пенсне и белой кружевной рубашке.

– Что вам угодно? – с явным нетерпением спросил юноша. В руке он держал наполненную наполовину колбу для мочи. – Если вы из посыльных, то будьте добры постучать в заднюю дверь.

Симон подавил в себе возмущение. Разве можно было принять его за посыльного? Он надел по случаю сегодняшнего визита новый жилет и вытряхнул пыль из шляпы! Что возомнил о себе этот юнец?

– Я уже приходил сегодня утром. Мне хотелось бы увидеться с доктором Гайгером, – с прохладой в голосе ответил Симон. – Меня просили заглянуть ближе к полудню.

– По какому вопросу? – резко спросил юноша.

– Я предпочел бы сказать об этом доктору лично. Мы с ним коллеги.

Юнец оглядел наряд Симона, вновь запыленный и забрызганный грязью. Губы его скривились в пренебрежительной улыбке.

– Коллеги, значит, – произнес он насмешливо. – В таком случае мы с вами тоже *коллеги*. Я ассистент Гайгера. И потому могу сказать вам, что у доктора, к сожалению, нет времени. У него на осмотре придворная дама, – он приподнял и встряхнул колбу с мочой. – Слабая муть указывает на камни, подлежащие удалению.

Симон взмахнул ладонью над колбой и принялся.

– Хм... резкий запах свидетельствует скорее о воспалении мочевого пузыря. Возможно, вам следовало бы...

– Я не намерен обсуждать тут с вами мочу почтенной дамы, – перебил его ассистент; в глазах его читалось легкое сомнение. – Если вам нужен доктор, приходите в другой раз.

Но так просто Симон сдаваться не собирался.

– А когда будет удобнее? – спросил он. – У меня важное...

– В другой раз. Всего хорошего.

Ассистент так резко захлопнул дверь, что Фронвизер даже возразить не успел. Он уже занес кулак и хотел вновь постучаться, но передумал и спустился по лестнице. Его трясло от злости. Этот заносчивый юнец был на порядок моложе, а обращался с ним как с бродячим цирюльником! Что ж, вероятно, у него были богатые и влиятельные родители и они обеспе-

чили ему это место. И теперь он мог полоскать колбы для мочи и тешить свое самолюбие ошибочными диагнозами... Симон тихо вздохнул. Наверное, зря он назвался перед этим юнцом коллегой. У него появилось предчувствие, что теперь добиться встречи с Гайгером будет куда сложнее.

Погруженный в раздумья, лекарь шагал по Зендлингской улице к приходской церкви, называемой Старым Петром. Надо же было так сглупить! Хотя, возможно, его записи и не стоили того, чтобы приставать с ними к прославленному врачу-терапевту... Так или иначе, сегодня было уже поздно. Следовало поскорее возвращаться в Ау, иначе они с Магдаленой рассорятся окончательно.

В последние дни Магдалена казалась ему какой-то неразговорчивой. Возможно, это было как-то связано с поведением Барбары. Симон с трудом представлял себе, что его юная свояченица действительно пойдет под венец в Мюнхене.

Он собрался уже свернуть к мосту через Изар, но тут по правой стороне улицы заметил лавку, чья табличка манила его с магической силой.

Книжная лавка Йоханнеса Вагнера и сыновей, поставщика двора.

Симон остановился, охваченный восторгом. Он, конечно, знал о существовании таких магазинов, где продавались книги, но своими глазами еще ни одного не видел. Те немногочисленные книги, которые у него были, Фронвизер получил от Куизля или приобретал у заезжих торговцев. При мысли о целом магазине, где не было ничего, кроме книг, у лекаря учащался пульс.

Симон осторожно повернул ручку, и дверь с тихим скрипом отворилась. В первую же секунду его окутал любимый с детства запах костного клея, кожи, бумаги и пергамента. Он благоговейно замер, словно в церкви. Единственным источником света служило небольшое окно, затянутое паутиной, и большая часть зала скрывалась в полумраке. Высокие стеллажи были заставлены книгами всевозможных размеров. По большей части книги были переплетены в черную или коричневую кожу, но попадались среди них и увесистые фолианты с позолоченными буквами на корешках. Были там и пергаментные свитки, и тонкие тетрадки, и отдельные листы, составленные в стопки и, судя по всему, еще не переплетенные.

«Может, когда-нибудь среди них будет и моя работа?» – подумал Симон.

Он подошел к одной из полок и только теперь увидел прилавок, до сих пор не заметный среди стеллажей. За ним стоял пожилой мужчина, худой и очень бледный, с редкими волосами. Вид у него был такой, словно он питался одной лишь книжной пылью. Продавец был в потертом и перепачканном сюртуке, но держался при этом очень достойно.

– Ищите что-то определенное? – с улыбкой спросил он и отложил толстую книгу, которую листал. – Молитвенник, Священное Писание или, может, поучительные истории о святых мучениках?

– Хм, вообще-то я хотел просто осмотреться, – неуверенно ответил Симон. – Но раз уж вы спрашиваете... может, у вас найдутся книги по медицине?

Старик кивнул.

– Разумеется. Те, которые не противоречат учению нашей церкви. Мы поставляем книги для двора и иезуитов церкви Святого Михаила и не можем позволить себе еретические труды.

Он взял со стола зажженную свечку и повел Симона к полке, где стояли книги с латинскими названиями. С первого взгляда лекарь заметил несколько работ, которые имелись и в библиотеке Куизля. Но были среди них и такие, которые появились совсем недавно и произвели настоящий фурор в медицинских кругах: «Хирургический арсенал» Иоганна Шультета и травник Якоба Руфа в переработанном издании. Рядом лежала тонкая книжка с необычным названием, которое привлекло внимание Симона: *Observationum microscopicarum centuria*.

Фронвизер взял книгу в обложке из телячьей кожи и перевернул несколько страниц. Там были нарисованы существа, похожие на гигантских насекомых.

– Интересная работа, – сообщил с улыбкой продавец. – Написал французский врач Пьер Борель. Он сделал несколько удивительных открытий при помощи увеличительных стекол. Хотя кое-что из этого кажется мне слишком уж неправдоподобным, – он показал на жуткое существо. – Или вы всерьез поверите, что нечто подобное обитает в нашем теле? – со смехом продолжал продавец. – Ну да ладно. Мы только-только отпечатали ее в собственной типографии, двадцать экземпляров. Недорого.

– Сколько она стоит? – спросил Симон.

– Хм, похоже, вы любите книги не меньше моего, – старик подмигнул ему. – Так что для вас я могу сбавить цену. Скажем, половину дуката?

Симон склонил голову набок. Это было намного дешевле, чем он ожидал. В последнее время книги действительно становились доступнее. Вероятно, это было связано с появлением крупных типографий и удешевлением бумаги. Лекарь порылся в кошельке – с горсткой мелких монет там лежали и серебряные талеры, полученные от веронских купцов. Он понимал, что монеты слишком легкие и, в общем-то, фальшивые. Ему было немного совестно. Но, с другой стороны, предложение казалось слишком заманчивым. Фронвизеру давно хотелось почитать книгу о наблюдениях с помощью микроскопа.

– Могу заплатить вам пять серебряных талеров, – предложил Симон. – Может, чуть больше. Если нужно еще, придется сходить... на постоянный двор, – поспешил добавить он.

Продавец вздохнул, но и отказывать, похоже, не хотел.

– Ладно, давайте посмотрим, что там у вас есть.

Лекарь раскрыл кошелек и высыпал монеты на прилавок. Продавец нацепил монокль и стал рассматривать деньги. Взглянув на серебряные талеры, он на мгновение замер, и по лицу его пролегла тень.

– Откуда они у вас? – спросил он резко.

– Ну, я врач... Кое-кто из пациентов дал мне их.

– Пациент, значит, – продавец смерил его недоверчивым взглядом. – Подождите здесь, – добавил он и попытался улыбнуться. – Я посмотрю, не найдется ли дешевого экземпляра, который можно отдать за такую сумму.

Он скрылся среди стеллажей, и Симон вскоре услышал, как в дальней части зала скрипнула дверь. Очевидно, здесь был второй выход. Фронвизер беспокойно переступал с ноги на ногу.

Дьявол, что же я наделал!

По лбу у него струился холодный пот, сердце бешено колотилось. И зачем он только предложил старику проклятые монеты! Продавец сразу понял, что они слишком легкие, как если б уже видел где-то такие талеры. Скорее всего, он отправился за стражниками. Симон подумал о наказании, предусмотренном за подделку монет в Баварии. Преступнику отрубали руку, а в худшем случае палач окунал приговоренного в кипящее масло или сжигал на костре.

Фронвизер не стал долго раздумывать и выбежал на улицу. Серебряные монеты он в спешке оставил на прилавке. Казалось, в любой момент за спиной послышатся крики и торопливые шаги, из проулка выскочат стражники и схватят его.

Но все было спокойно.

Симон помчался по Зендлингской улице. Плащ развевался у него за спиной, мимо проезжали повозки и кареты, ржали лошади и бранились извозчики. Он пересекал без разбора тесные переулки и площади, стараясь при этом ориентироваться на солнце, уже клонившееся к западу. И только когда впереди показались Изарские ворота, лекарь почувствовал облегчение. Он остановился, с трудом переводя дыхание, и заметил, что по-прежнему держит в руках книгу о микроскопах. Второпях Симон даже не заметил, как унес ее.

«Прекрасно! – подумал он. – Теперь меня будут разыскивать не только за подделку монет, но еще и за кражу... В общем, можно сразу попроситься к Дайблеру на дыбу».

Охваченный волнением, лекарь зашагал к воротам. Он не заметил, что по переулку за ним следует незнакомая фигура в темном плаще с капюшоном.

Когда Симон перешел мост, незнакомец двинулся за ним – как скверный запах, от которого так сложно избавиться.

* * *

– Барбара? Ты слышишь? Вернись, можно обо всем поговорить!

Магдалена до сих пор блуждала по лабиринтам Ау в поисках младшей сестры. Вскоре к ней присоединились отец с братом. Они разбрелись в разные стороны, и первым делом Магдалена отправилась к ручью. Ей вспомнилась несчастная утопленница с прошлого вечера, и в голову полезли жуткие мысли. Но Барбары не было ни у ручья, ни за мельницами, которые тянулись к югу вдоль берега. Не было ее и под откосами Изарского яра.

Через некоторое время Магдалена вышла к просторному выгону на окраине Ау. Рядом стояла деревенская церковь с небольшой часовней. Несколько привязанных лошадей искали под жестким настом остатки прошлогодней травы, среди деревьев дети играли в снежки. Из часовни как раз вышел Георг и сокрушенно покачал головой.

– Я подумал, может, она спряталась где-нибудь тут, – сказал он. – Раньше, если ей бывало грустно, она часто ходила в церкви или часовни... – Брат вопросительно посмотрел на Магдалену. – Что на нее нашло вообще? Сбежала, стоило мастеру Гансу показаться на пороге... Да, Ганс – жуткий и суровый тип, но никто же не заставляет ее выходить за него замуж.

– Пусть лучше отец объяснит, – мрачно ответила Магдалена. – Знать бы только, известно ли ему было, что мастер Ганс входит в Совет...

Куизль между тем тоже вышел к выгону. Он тяжело пыхтел, и лицо у него было красное – то ли от злости, то ли от напряжения, сказать было сложно. К тому же от него до сих пор несло пивом после палаческого крещения.

Якоб понял, что Барбара так и не нашлась, и разразился бранью.

– Будь она проклята, эта девка в могилу меня сведет! – ругался он. – Сначала она выставляет меня дураком перед Советом, а потом еще и убегает очертя голову! Видман – самый богатый палач в Баварии, он был почти на крючке... И на тебе!

– Ты знал, что Ганс входит в Совет? – спросила Магдалена резким голосом. – Отвечай, знал или нет?

– Нет, черт возьми, не знал я ничего. Я... я...

Злость его мгновенно иссякла. Палач тяжело опустился на покрытую снегом кучу дров возле церкви. Магдалена вдруг заметила, какой у него усталый вид.

– Если б я знал, то, можешь не сомневаться, спустил бы шкуру с Дайблера, – проговорил Якоб. – Я же понимаю, что Барбара не желает видеть Ганса... – Он потер покрасневшие глаза. – Но он здесь, и с этим ничего не поделаешь, жизнь продолжается. Нравится нам это или нет.

– Может, кто-нибудь объяснит мне, о чем вы говорите? – нетерпеливо вмешался Георг.

– Два года назад мастер Ганс чуть не замучил Барбару! – громким голосом ответила Магдалена. – По распоряжению городского совета, пока отец был в Обераммергау. Барбару до сих пор мучают кошмары! Ганс успел показать ей орудия пыток. Мы не стали говорить тебе, потому что... потому что... – Она замолчала.

– Потому что боялись, что я попытаюсь проучить мастера Ганса? – хмуро спросил Георг. – Не исключено.

– Ганс всего лишь выполнял свою работу, – тихим голосом произнес Куизль и стиснул кулаки; голос у него был хрипловатый. – Ему передали поручение, а он... он просто палач. Мы – всего лишь орудия в руках господ.

– И только потому, что он *орудие*, можно пытаться дочь своего собрата? Твою собственную дочь? – Магдалена сплюнула на землю. – Ты противен мне, отец! Все эти пытки, убийства, эти ваши манипуляции с замужеством – мне противно от всего этого!

– Не мы выбирали себе эту работу, – с горечью возразил Георг.

Он встал рядом с отцом, и Магдалена в очередной раз отметила, как они похожи.

– Минуту назад ты говорил, что готов проучить Ганса, – заметила она. – А теперь говоришь, что вы просто выполняете свою работу... Значит, и ты, Георг, такое же орудие, как они?

– Во мне говорил брат, а не палач, – Георг вздохнул. – Мы не можем поступать иначе, даже если б хотели. Ты сама это знаешь, Магдалена! Это семейное ремесло, и так продолжается уже сотни лет. Наше ремесло предназначено нам свыше.

– Надеюсь, моим детям не придется говорить подобного, – холодно ответила Магдалена. – А теперь простите, мне нужно разыскать сестру.

С этими словами дочь палача развернулась и двинулась прочь с выгона. Только теперь она заметила, до чего же холодно на улице. Магдалена потела, пока бежала, а теперь начала мерзнуть, и с холодом постепенно утихала ее злость. Георг, конечно же, был прав. Но все это казалось ей таким несправедливым! В свое время отец и ее хотел выдать за палача из Штайнгадена. В конце концов ей крупно повезло, и она получила дозволение выйти замуж за Симона, тогда еще городского цирюльника. Барбаре такое счастье вряд ли улыбнется. И теперь она бродила где-то по лабиринту улиц, и возможно, ей даже грозила беда!

Встреча с мастером Гансом, вероятно, пробудила в ней тяжелые воспоминания, долгое время подавляемые. Барбара так и не рассказала, что же на самом деле произошло в тот день в Шонгау. Но Магдалена подозревала, что это были жуткие вещи, связанные не только с мастером Гансом, но и с другими мужчинами... Возможно, Барбару тогда изнасиловали, но она отказывалась об этом говорить.

«Сначала беременность, а теперь еще и мастер Ганс, – подумала Магдалена. – Рано или поздно любой человек ломается».

Погруженная в раздумья, сама того не заметив, она прошла в сторону моста через Изар. Замедлила шаг. Что, если Барбара перешла мост и сбежала в город?

Магдалена решила попытать счастья. Она оставила позади Ау и в скором времени ступила на деревянный мост, служивший единственным подходом к городу с восточного направления. И толкотня в этот час там была соответствующая. Мимо проезжали кареты и повозки, запряженные могучими волами. Каждую из них по очереди останавливали шестеро стражников и брали плату за проезд. Чуть дальше несколько повозок с грохотом съезжали по крутой подъездной дороге к пристаням, откуда переправлялись грузы во Фрайзинг, в Ландсхут или до самого Дуная и дальше в Вену. В тот же миг Магдалену пронзила новая мысль.

Пристани!

И почему она раньше об этом не подумала? Если Барбара и вправду хотела сбежать, то пристани были лучшим местом для этого. Стоило лишь попроситься на один из многочисленных плотов – и мастер Ганс, упрямый отец, да и вся ее семья остались бы в прошлом. Магдалена подобрала подол и побежала вниз, к причалам.

На пристанях, как и всегда, царило оживление. Только что причалили два плота, нагруженные маслом и вином; другие три плота отплывали. Магдалена обводила лихорадочным взглядом бесчисленные лица торговцев, плотогонов и путников, но Барбары среди них не было. Чуть дальше на воде покачивались, несмотря на холод, несколько лодок. Что, если она попросилась к какому-нибудь рыбаку или проезжему торговцу? Магдалена побежала вдоль пристани к северу, и постепенно людей и лодок становилось все меньше. Здесь стояли рядами дощатые сараи, и по склону берега были вырыты ямы и туннели, в которых, судя по всему, складывали портящиеся товары. В таких хранилищах даже летом царил зимний холод, особенно если их наполняли льдом. Несколько мужчин как раз заносили в один из таких туннелей ящики и

бочки. Кроме них, вокруг никого не было, лишь издали доносились еще выкрики плотогонов и сигналы к отплытию.

На краю самого дальнего из причалов сидела сгорбленная фигура.

Магдалена узнала ее с первого взгляда.

– Барбара! – крикнула она. – Господи, Барбара! Как же я рада тебя видеть!

Магдалена пробежала по скользким, обледенелым доскам и один раз при этом едва не упала. Наконец она заключила сестру в объятия. В первую секунду Барбара напряглась и, казалось, готова была оттолкнуть ее. Но потом положила голову на плечо Магдалены и горько заплакала. По всему ее телу пробегала дрожь.

– Все будет хорошо, девочка моя, – утешала ее Магдалена, крепко прижимая к себе. – Все будет хорошо.

– Не будет хорошо! – всхлипнула Барбара. – Ничего не будет хорошего!

– Ганс ничего тебе не сделает, – продолжала Магдалена. – Я поговорю с Дайблером. Мы подыщем другой постоянный двор, и...

– Будь проклят мастер Ганс! Какое мне дело до него? – выдавила Барбара. – Дьявол бы его забрал...

Она снова затряслась в судорожных рыданиях и продолжила лишь через некоторое время:

– Ты разве не понимаешь? Когда я увидела Ганса, все ожило в памяти. И то, что эти мужчины тогда... – Голос у нее дрогнул. – Я вообще не хочу выходить замуж. Ни за палача, ни за живодера, ни за могильщика. Пусть даже за толстого торгаша или кузнеца. Все они чудовища, и все одинаковые!

– Не все, – заметила Магдалена. – Вспомни Симона или Георга.

Барбара обреченно рассмеялась.

– Ни один из них не станет мне мужем.

– Однако же этот Неер из Кауфбойерна производит приятное впечатление. Пообещай, что хотя бы взглянешь на него, ладно? – Магдалена сжала руку сестры. – Но первым делом пообещай, что не станешь больше сбегать, не предупредив меня. Если до этого дойдет, то я хочу, по крайней мере, знать, где ты.

Магдалена вспомнила мертвую девушку у мельничного ручья. Она, наверное, тоже сбегала из дому в надежде на лучшую жизнь в Мюнхене...

– Пообещай! – снова потребовала Магдалена.

– Я... обещаю.

Барбара кивнула, и сестры крепко обнялись, как не обнимались никогда в жизни. На краткий миг у Магдалены возникло чувство, будто в объятиях у нее все та же маленькая девочка, которой она раньше пела перед сном.

Мы будем вместе, что бы ни случилось. Никто не разлучит нашу семью! Только это и придает нам сил.

В этот момент до них донеслись возбужденные голоса. Магдалена выпустила Барбару из объятий и удивленно обернулась. Примерно в двадцати шагах собрались мужчины, которые совсем недавно таскали бочки в пещеру. Теперь они с видимым волнением что-то вынесли оттуда. Издалека оно выглядело как вытянутый сверток и казалось не слишком тяжелым. Однако мужчины держали его осторожно, как мешок с порохом. Голоса стали громче, некоторые из мужчин крестились.

– Пойдем посмотрим, что там стряслось, – предложила Магдалена.

Они приблизились к взволнованному сборищу. Мужчины положили сверток на мерзлую землю недалеко от пристани. Некоторые из них бормотали молитвы, все до одного сняли шляпы.

– Беда надвигается на город, – прошептал один из них, широкоплечий плотогон с бычьей шеей. – Сперва пронзенная колом у верхних пристаней, теперь *это*... – Он дрожащей рукой показал на сверток. – Говорю вам, это мертвые возвращаются!

Сквозь плечи мужчин Магдалена наконец-то разглядела, что же такое лежит на земле. Она вздрогнула, и Барбара рядом с ней тихонько вскрикнула.

Мертвые возвращаются...

Магдалена в ужасе уставилась в лицо мумии: в пустые черные глазницы падали снежинки, рот был широко раскрыт, словно в предсмертном крике, который так и остался неслышанным.

«Или в проклятии», – подумала Магдалена.

– Господи, обереги этот город! – проговорил тихим голосом кто-то из плотогонов. – Позовите стражников, пока она не воскресла.

4

Нижние пристани,

3 февраля 1672 года от Рождества Христова

– Расступись! Расступись, кому говорят!

Полдюжины стражников с явным трудом прокладывали себе дорогу сквозь толпу. Из переулка над обрывом Якоб Куизль наблюдал, как люди теснились и толкались, стараясь подобраться как можно ближе к труп. Только вокруг скорченного тела, по-прежнему лежащего недалеко от пристаней, оставалось свободное пространство – горожане как будто боялись, что зловещий труп может внезапно ожить.

– Дайте пройти, чтоб вас всех, или кто-то у меня получит!..

Первый из стражников – очевидно, капитан – поднял меч в ножнах и несколько раз взмахнул. Только так он добился должного послушания, и толпа неохотно расступилась.

– Значит, это мумия, говоришь? – спросил Куизль у старшей дочери, стоявшей рядом.

Магдалена пожала плечами.

– Ну, во всяком случае, выглядит она так, как ты и рассказывал в свое время. Жесткая, обтянутая кожей кукла. Ведь это из них в Египте делают тот порошок, который ты продаешь за немалые деньги?

Куизль фыркнул.

– Ха! Это, наверное, глина вперемешку с сухим мышинным дерьмом. Главное, чтобы люди верили, – он показал вниз. – Вон там, во всяком случае, человек. Ну, или то, что было когда-то человеком.

Рассмотрев ужасную находку, Магдалена отправила одного из уличных мальчишек в Ау, передать отцу, что она разыскала Барбару. Новость про мумию в погребке разошлась быстрее лесного пожара, и Куизль узнал о произошедшем еще на мосту. Дайблер с Георгом пришли вместе с ним. Георг принялся утешать Барбару, и она, совершенно измотанная, прильнула к его груди. Якоб пока не нашел возможности поговорить с младшей дочерью – она нашлась, и только это имело значение.

– Может, спустимся и посмотрим поближе на эту мумию? – предложил он Дайблеру.

Тот усмехнулся.

– Я уж думал, ты так и не предложишь... Ладно, идем, ищейка ты любопытная. Я знаком с капитаном. Йозеф Лойбль такой же хмурый и неразговорчивый, как и ты, но в целом неплохой малый.

Куизль с Дайблером спустились по узкой лестнице к пристаням. Магдалена с близнецами остались наверху. В отличие от стражников, палачи без особого труда прошли сквозь толпу. Люди с готовностью расступались, стоило им увидеть, кто к ним приближается: известный каждому мюнхенский палач в сопровождении бородатого великана ростом в шесть футов.

Они подошли к группе стражников, выстроившихся вокруг тела в ожидании приказов. Капитан, старый рубака со шрамами и щетиной на лице, единственный из всех носил кирасу. Он недоверчиво посмотрел на палачей.

– Боюсь, ты опоздал, Дайблер, – проворчал Лойбль. – Она уже мертва, и казнить тут больше некого.

– Но того, кто это сделал, – вполне возможно, – заметил Куизль.

Он взглянул на сверток на снегу. Это совершенно точно была юная девушка. Черты лица и скуловые кости хорошо сохранились, как и светлые когда-то волосы, теперь высохшие и бурые, как солома. Рот раскрыт в беззвучном крике, так что виден был ряд белых, здоровых зубов. Девушка лет восемнадцати, ненамного старше Барбары. На ней было простое платье с фартуком как у служанок. Тело скрутилось, словно умирающая свернулась перед смертью, как больная кошка. Крысы, очевидно, обгрызли ей кончики пальцев и нос. Кожа походила на старый пергамент.

Тем не менее кожаные ремни на руках и ногах по-прежнему были хорошо видны. Как и остатки тряпичного кляпа, прилипшие к губам.

Капитан между тем подошел к палачам и окинул Куизля взглядом, хоть ему и пришлось задрать для этого голову.

– Ты кто такой, здоровяк, чтобы давать мне советы? – спросил он язвительно. – Во всяком случае, ты не из Мюнхена. Твое лицо я запомнил бы.

– Это палач из Шонгау, – объяснил Михаэль Дайблер. – Ты же знаешь, Лойбль, в дни Сретения Господнего у нас встреча в Ау, – он подмигнул капитану. – Вы же сами не захотели пускать нас в город.

– И правильно сделали. А теперь, палач, бери своего великана и проваливай туда, откуда...

– Вы уже проверили ее кошелек? – спросил Куизль.

Капитан посмотрел на него с недоумением.

– Что?...

– Кошелек, – Куизль показал на труп. – Вон он, висит рядом с фартуком. Может, его содержимое подскажет нам что-нибудь...

Лойбль побагровел.

– Нам? Слушай, здоровяк...

– Брось, Лойбль, – со вздохом перебил его Дайблер. – Куизль все равно сделает по-своему. Тем более он кое-что смыслит в покойниках. А кроме того... – мюнхенский палач слабо улыбнулся, – ...никому из вас не хочется прикасаться к трупу. Некоторые уже поговаривают про нежить и колдовство. Так что позволь нечестивым палачам все уладить. Тогда порядочным горожанам не придется марать руки.

– Ну, по мне, так можете посмотреть. – Лойбль с недовольным видом отступил в сторону, но Куизль видел по его глазам, что это решение далось ему не так уж и тяжело.

Якоб склонился над телом. Жесткую одежду и задубелую кожу покрывал тонкий ледяной слой. Кошелек, висевший на поясе, оказался сухим, как трухлявое дерево. Куизль попытался раскрыть его, и кошелек распался у него в руках. Внутри лежали несколько ржавых крейцеров, небольшой медальон и немного засушенных трав. Травы от прикосновения рассыпались, и первый же порыв ветра развеял их.

– Хех, один лишь мусор! – пробормотал капитан. – Так я и знал, что нам это ничем не поможет.

– Мусор тоже способен кое-что поведать, – отозвался Куизль.

Он внимательнее рассмотрел то, что осталось у него в руке, понюхал крошечные кусочки трав, прилипшие к пальцам. Потом закрыл глаза и глубоко вдохнул.

– Эта девица приехала в Мюнхен из Альтеттинга вскоре после войны, – начал он монотонным голосом, не открывая при этом глаз. – Она была не замужем, работала простой служанкой и в последние дни перед смертью болела. Кто-то связал ее, вставил кляп в рот и замуравовал в погребе.

Некоторое время все потрясенно молчали, потом капитан громко рассмеялся:

– Черт возьми, ты кто такой? Колдун или просто хороший враль? Невозможно столько знать про этот труп!

– Я ведь говорил, он палач из Шонгау, – ухмыльнулся Дайблер. – У него слабость к убийствам. Вчера в Ау он уже проделал нечто подобное, когда нашли мертвую девушку.

– Еще одна убитая в Ау? – Лойбль нахмурил лоб, но потом пожал плечами. – Ну, у вас и так люди мрут как мухи. Это не мое дело, пусть ваш надзиратель Густль разбирается. – Он перевел взгляд на Куизля. – А теперь скажи мне, здоровяк, откуда же ты столько узнал об этом куске мяса?

Куизль поднялся и показал на труп.

– Она совсем молодая, а кольца у нее нет. Выходит, что мужа у нее, скорее всего, не было. На ржавых крейцерах отчеканен год одна тысяча шестьсот сорок семь и на латыни имя курфюрста Максимилиана, отца нынешнего курфюрста. Следовательно, она мертва уже больше двадцати лет. Судя по одежде, была простой служанкой. Таких, как она, великое множество приезжает в Мюнхен в поисках лучшей жизни.

– Двадцать лет... Хм, вполне возможно... – Дайблер покивал. – В этих погребках холодно, как у черта в заднице, к тому же постоянно дуют сквозняки из мелких отдушин. Труп высохнет, как вяленая рыба.

– Плотогоны нашли ее в пещере, видимо, давным-давно замурованной, – заметил Лойбль. – Это видно по камням и следам раствора. И только сегодня пещеру вскрыли. Должно быть, кто-то затащил ее туда мертвую, и никто не заметил. А потом дыру заделали, и...

– Черт подери, она была связана и с кляпом во рту! – перебил его Куизль. – С чего бы убийце утруждаться, будь она мертва? К тому же я не вижу никаких внешних повреждений. Говорю вам, мерзавец замуровал ее еще живую.

Лойбль сплюнул.

– Да хоть бы и так. С тех пор столько лет прошло, какое нам дело до этого... Убийцы, наверное, тоже давно нет в живых.

Стражники между тем с трудом удерживали толпу. То и дело раздавались возбужденные выкрики, кое-кто из крепких малых уже протиснулся поближе к трупу.

– Это призрак, точно вам говорю! – крикнул один из них. – Нежить! Надо вогнать ей кол в грудь, как и другим!

– Я тебе в задницу кол загоню, если вы сейчас же не успокоитесь! – рявкнул Лойбль. Он грозно двинулся на толпу, и парни неохотно отступили. На какое-то время действительно воцарилось спокойствие.

Дайблер усмехнулся.

– Может, не такая уж и скверная мысль, Йозеф, если вспомнить, что случилось с той несчастной... Иначе завтра в каждом кабаке будут собираться толпы охотников на ведьм, вооруженных кольями и крестами.

– Дайблер, черт возьми, хоть ты дурака не валяй! – Лойбль погрозил ему пальцем. – Твой приятель и так возбудил во мне любопытство... – Капитан вновь повернулся к Куизлю, так, словно переполох на пристани совершенно его не беспокоил. – Но с Альтеттингом ты просто угадал. Признайся! Сомневаюсь, что она заговаривала с тобой на нижнебаварском.

– Нет, амулет все сказал за нее, – Куизль показал медальон из кошелька – дешевый кусок свинца на ржавой цепочке. – В тех местах почитают Черную Мадонну. Думаю, там девица и обзавелась этим медальоном. Но слишком уж она молода, чтобы совершать дальние паломничества.

– Чтoб меня... Теперь осталось только объяснить, с чего ты решил, что она больна, – вмешался Дайблер, задумчиво разглядывая труп. – Тогда трюк можно считать удачным. Ты что же, определил это по каким-то внешним признакам? Гнилые зубы? Засохшая кровь? Говори же, ну!

– Ничто из перечисленного. – Куизль ухмыльнулся – ему всегда нравилось тянуть с ответом как можно дольше. – Все дело в травах, которые были в мешочке. Всякую зелень покупают на рынке и кладут в корзину к остальным покупкам. А вот лекарственные травы держат в мешочках. – Он нахмурил лоб. – Только вот не могу сказать, что это были за травы. Я уловил только слабый аромат. Может, ингредиенты для отвара от кашля? Плющ? Листья липы? – Он почесал нос. – Проклятье, не знаю, и все тут!

– Хорошо хоть, что ты не назвал ее имени, как и имени убийцы, – заметил капитан Лойбль со смехом. – Иначе пришлось бы арестовать тебя за колдовство. – Он ткнул палача в бок. – Ты нравишься мне, здоровяк. В следующий раз, когда объявится неизвестный труп, я буду знать, к кому обратиться.

– Будем надеяться, что больше таких не будет, – проворчал Дайблер. – Мне хватило и трех убитых за неделю. Хотя эта определенно не имеет с другими ничего общего. Слишком уж много времени прошло. Или... Эй, ты что там задумал, Якоб?

Дайблер в недоумении посмотрел на Куизля – тот склонился над мумией, оттянул ей нижнюю челюсть и что-то вытащил изо рта.

Это был почерневший медальон.

– Боже правый, это что еще такое? – спросил Лойбль, не скрывая испуга.

– Хм, сложно что-то на нем разглядеть, – проговорил Куизль, рассматривая медальон. – Но думаю, что это амулет, точно такой же, как в кошельке, с изображением Девы Марии. Рисунок почти стерся, но можно еще различить женский лик с венцом.

– И что же он делает у нее во рту? – спросил Дайблер. – Не съест же она его хотела? Тем более что у нее во рту был кляп...

– Черт возьми, спрячь, пока никто не увидел! – прошипел капитан. – Иначе народ и вправду поверит в злых духов.

Куизль спрятал медальон в карман. Потом многозначительно посмотрел на Дайблера, но ничего не сказал.

С этими словами Лойбль развернулся и первым стал подниматься по лестнице к городу. Стражники подхватили завернутое тело и пошли за своим капитаном. Дайблер еще долго смотрел им вслед.

– Славный малый этот Лойбль, – произнес он спустя какое-то время. – Мне и моей жене доверяет больше, чем коновалам из города. Обращается с нами почти как с равными и всегда вовремя платит за лекарства. – Он немного помолчал и продолжил чуть медленнее: – Этот амулет во рту у мумии...

– Дева Мария с венцом света, – кивнул Куизль. – Как у мертвой девицы в Ау.

– Это просто совпадение, не иначе. Между убийствами разница в двадцать лет! – Дайблер задумчиво склонил голову. – Я слышал, раньше покойникам, когда хоронили, клали в рот монету, чтобы заплатить перевозчику, который переправляет души в царство мертвых. Может, поэтому девушке и вложили в рот медальон?

– Замурованной живьем жертве? – Куизль потер свой длинный нос. – Это мог сделать только убийца. Ведь во рту у нее был кляп.

– Черт возьми, Якоб! – Дайблер закатил глаза. – Оставь ты эти загадки и займись-ка лучше собственной семьей. Им ты сейчас нужнее, чем каким-то древним мумиям. – Он похлопал друга по плечу. – Кстати, насчет семьи... Думаю, моя Вальбурга не станет возражать, если на время встречи вы поселитесь у нас в Ангере.

Палач из Шонгау нахмурил лоб.

– С чего бы вдруг?

– Ну, я как узнал, чего Барбара натерпелась от мастера Ганса, то решил, что ей вряд ли захочется ночевать с ним под одной крышей. И, должен признать, для детей Ау также не самое подходящее место.

– Глупости, – Куизль отмахнулся. – В этом нет необходимости. Я поговорю с Барбарой, и...

– Не валяй дурака, упрямый ты пес! – Дайблер ухмыльнулся. – У нас с Вальбургой нет детей, и в доме полно места. Сам можешь оставаться в трактире, но остальным будет лучше у нас. Соглашайся, а не то я обижусь. – Он протянул Куизлю мозолистую ладонь.

– Ну... ладно. Может, так и в самом деле лучше.

Куизль пожал протянутую руку и улыбнулся, хотя сложно было разглядеть это под густой бородой. Его переполняло чувство глубокой признательности. Черт возьми, пусть остальные обходят их стороной – сами палачи стояли друг за друга горой! И, конечно же, Дайблер был прав: какое ему дело до трупа, пролежавшего больше двадцати лет? Он находился здесь как участник Совета Двенадцати, и только это имело значение. Кроме того, ему и с Барбарой хватало проблем.

– Жаль, Михаэль, что у тебя уже есть жена, – сказал Куизль. – А то я с радостью выдал бы за тебя Барбару.

– Господи помилуй, Вальбурга у меня святая! – Дайблер громко рассмеялся. – Да и твоя дочь, боюсь, вернула бы пару словечек по этому поводу. Насколько я успел узнать ее, могу предположить, что ты еще изрядно попотеешь, пока отправишь эту кобылицу в стойло... – Он вдруг сморщил нос. – А сейчас неплохо бы тебе еще раз окунуть голову в ручей. После крещения от тебя пивом несет, как из переполненной бочки.

* * *

Когда Симон вернулся наконец на постоянный двор в Ау, он сразу заметил: что-то не так. За столом сидели несколько палачей, с которыми лекарь познакомился еще накануне вечером, но среди них не было ни Куизля, ни Магдалены. Фронвизера обдало жаром при мысли, что собрание началось еще в полдень. Может, оно уже закончилось? Тогда ему следует приготовиться к неприятностям...

К нему нетвердой походкой приближался Каспар Хёрманн из Пассау. Он направился к двери, на ходу развязывая штаны – очевидно, ему нужно было выйти по нужде.

– Э... прошу прощения, – начал Симон, по-прежнему сжимая в руках украденную книгу о микроскопах. – Я разыскиваю своего тестя и жену. Не могли бы вы подсказать, где...

Тут он заметил, с какой ненавистью глянул на него Хёрманн, и резко замолчал.

– Хорошая же у тебя семейка! – пролепетал палач из Пассау. – Стоило Куизлям попасть на Совет, и разом все пошло наперекосяк... – Он потряс пальцем прямо под носом у Симона. – И своей наглой свояченице можешь передать, что она мне и даром не нужна, эта малолетняя потаскуха! Что она вообще о себе возомнила? Мой сын заслуживает чего-нибудь получше... Ну, Видман поучит ее уму-разуму.

– Я... боюсь, я не понимаю... – пробормотал Симон.

В нем крепло подозрение, что за последние часы он пропустил куда больше, чем просто скучные посиделки.

– А собрание разве уже закончилось? – спросил он.

– Закончилось? – Хёрманн рассмеялся. – Оно и не начиналось толком! Из-за вас, Куизлей, нам волей-неволей придется ждать. Понятия не имею, когда мы продолжим... – Он громко рыгнул. – Ну, дай уже пройти, пока я штаны не намочил.

Палач протиснулся мимо лекаря и вышел за дверь.

Взглянув на хмурые лица остальных палачей, Симон решил поискать Магдалену и остальных снаружи. Он испытал большое облегчение, обнаружив на улице Пауля. В грязных штанах и тоненькой курточке, тот вертел волчок с уличными мальчишками. Из всех членов семьи Пауль, как и его дед, легче всего приспособился к жизни в Ау. Он чувствовал себя пре-

восходно среди других грязных ребят. Фронвизер тронул сына за плечо, и тот неохотно обернулся.

– А где все остальные? – спросил Симон. – Мама, бабушка, Петер...

– А, Петер в комнате наверху, присматривает за Софией и что-то там читает на латыни, – со скукой в голосе ответил Пауль. – Остальные разыскивают Барбару. Она вроде как сбежала.

– *Сбежала?*

Симон в изумлении уставился на сына. Что же произошло здесь в его отсутствие? Он собрался уже расспросить Пауля, но заметил вдруг, что на другой стороне улицы стоит незнакомый мужчина и, судя по всему, наблюдает за ним. На нем был черный плащ с капюшоном. Теперь незнакомец уверенно двинулся в его сторону. Лекарю, несмотря на холод, бросило в жар.

«Господи, это кто-то из стражников! – пронеслось у него в голове. – Как я мог забыть про них? Они тайно проследили за мной от книжной лавки... Теперь все пропало!»

Симон бросился было прочь, но незнакомец его окликнул:

– Эй! Это вы Симон Фронвизер?

Лекарь помедлил. Так им уже известно его имя? Тогда и бежать, наверное, не было смысла. Оставалось только надеяться на мягкий приговор – ведь он сам только получил эти монеты в качестве платы... Или дело было в украденной книге? Симон вздохнул и развернулся.

– Да, это я, – ответил он, опустив голову.

Незнакомец откинул капюшон. У него были длинные волнистые волосы и ухоженная борода. На плаще у него Симон заметил серебряную застежку, украшенную мелкими драгоценными камнями. Черт возьми, если это простой стражник, то в Мюнхене действительно водятся огромные деньги! Губы незнакомца изогнулись в вежливой улыбке.

– Как хорошо, что я наконец-то разыскал вас, доктор Фронвизер, – произнес он. – Я ищу вас по поручению курфюршеского двора.

Теперь Симон растерялся окончательно. Да, он заплатил книготорговцу фальшивыми монетами. Но там было всего пять штук! Или его собирались обвинить в подделке целой партии монет? Может, в нем заподозрили главаря банды и теперь собираются сварить в кипящем масле?

– Послушайте, это... это все недоразумение, – пробормотал Симон. – У меня эти талеры появились совсем недавно, и вообще они достались мне от веронских купцов. А книга... книгу я унес совершенно случайно. Клянусь вам...

– Талеры? Книга? – Незнакомец смотрел на него вопросительно. – Не понимаю, о чем вы. Я здесь в качестве посланника ее светлости высокочтимой курфюрстины Генриетты Аделаиды. Она услышала о ваших способностях и остром уме и желает видеть вас завтра в полдень на аудиенции.

У Симона отвисла челюсть. Несколько долгих мгновений он не способен был вымолвить ни слова. В голове не затихали услышанные только что слова. А может, ему это просто снится?

Курфюрстина услышала о ваших способностях и остром уме...

Неужели это правда и при баварском дворе узнали о его записях? Да, он говорил о них кое с кем из коллег, живущих недалеко от Шонгау. И однажды в пациентах у него побывал советник из Мюнхена – когда Симон рассказал ему о своем трактате, он слушал его с видимым интересом. Но лекарь ни за что бы не подумал...

Фронвизер сглотнул, и к нему наконец-то вернулся дар речи.

– Э... я... я непременно буду. Передайте ее курфюршескому высочеству тысячи благодарностей и...

– Значит, с этим разобрались, – посыльный вручил Симону сложенный и запечатанный документ. – Вот ваше дозволение, предъявите его на аудиенции. И не забудьте, ровно в пол-

день! – Тут он обвел безгловым взглядом тесный вонючий переулок. – А теперь прошу простить меня. Необходимо доставить еще несколько посланий в *других* кварталах.

Он сдержанно поклонился, накинул капюшон и гордо зашагал прочь.

Некоторое время Симон неподвижно стоял посреди переулочка, сжимая в дрожащих руках запечатанное письмо. Он не обращал внимание ни на играющих вокруг него детей, ни на шум, доносившийся из трактира. В голове беспрестанно звучали слова, которые, вероятно, раз и навсегда изменяют его жизнь.

Курфюрстина услышала о ваших способностях и остром уме...

И только когда в нос ему угодил снежок, брошенный Паулем, лекарь пришел в себя.

* * *

Когда Магдалена вернулась с Барбарой и остальными в Ау, Симон вышел к ним навстречу, взволнованный не на шутку. Из носа у него текла кровь, но это, похоже, нисколько его не заботило.

– Это... это невероятно! – произнес он сиплым голосом. – Она... она услышала обо мне!

– Ты о чем? – Магдалена остановилась и покачала головой. – Кто так тебе по носу съездил, что ты несешь теперь этот бред?

– А, нет, это Пауль. – Симон вынул из кармана платок и с рассеянным видом вытер кровь. – Но это сейчас неважно. Потому что... потому что меня ждет большое дело!

– Сдается мне, тебя чем-то большим по башке приложили, – проворчал Куизль. – О чем ты толкуешь? Говори уже, пока Дайблер не увел тебя в богадельню для умалишенных.

– Приходил... посыльный от курфюрстины! Ко мне!

Задышавшись, Симон рассказал о неожиданной встрече и предстоящей аудиенции при дворе. На некоторое время воцарилось молчание.

– Ты приглашен к жене курфюрста? – Магдалена уставилась на него с раскрытым ртом. – Может, это недоразумение? Что, если посыльный с кем-то тебя спутал?

Симон помотал головой и показал запечатанное письмо.

– Он назвал меня *доктором* Симоном Фронвизером. И говорил про мой острый ум. Видимо, при дворе заинтересовались моим медицинским трактатом...

У Магдалены вырвался стон.

– Ну что ж, все-таки не зря ты столько времени корпел над этими бумажками. Как бы там ни было... – Она решительно взглянула на мужа. – Один ты все равно туда не пойдешь.

– Магдалена, прошу тебя, пойми меня правильно. Я не думаю, что при дворе дочь палача...

– При чем здесь я! – перебила его Магдалена. – Я говорю про Петера. Такая возможность нам больше никогда не подвернется! Если при дворе увидят, какой он умный и воспитанный, может, ему удастся поступить в Мюнхенскую коллегия иезуитов. – Она поджала губы. – Я всегда говорила, что Петеру нечего делать в нашей гимназии в Шонгау. Ха, у старого Вайнингера глаза на лоб полезут, если я скажу ему, что мальчика и вправду приняли к иезуитам! Пусть сам разучивает свои жалкие катехизисы.

– Но мой трактат... – начал было Симон.

– Петер пойдет с тобой, и точка! – Магдалена уперла руки в бока и свирепо уставилась на мужа. – Не так уж много я прошу. Я не хочу, чтобы и мои сыновья стали презренными палачами. По крайней мере, Петер! – добавила она мрачно.

– Помолчала бы насчет презренных палачей, – проворчал Георг. – Твой отец, твой брат и твой дядя тоже из их числа. Как и половина сидящих в трактире.

– Который мы, к счастью, скоро покинем, – вставила Магдалена.

На обратном пути отец рассказал ей, что Дайблер пригласил их к себе домой. Магдалена недолго раздумывала над предложением. Барбара тоже согласилась без лишних колебаний. После их разговора на причале и той страшной находки она заметно притихла. Магдалена надеялась, что в ближайшие дни у нее появится возможность обстоятельно поговорить с сестрой. Она боялась, что Барбара снова сбежит или вовсе что-нибудь сотворит с собой, но причина была не только в этом. В последние годы законы против так называемого легкомыслия постоянно ужесточались – особенно в католической Баварии. Девушку, которая произведет на свет внебрачное дитя, заключали в колодки, помещали под арест или даже высылали из страны.

Впрочем, может, в Мюнхене им удастся подыскать для Барбары жениха...

В этот момент, как нарочно, из трактира вышел Иоганн Видман. Он подкрутил ус и окинул их насмешливым взглядом.

– А, разыскали наконец свою кобылицу? – произнес палач. – Так поскорее накиньте на нее уздечку, пока кто-нибудь другой не дал ей кнута.

– Заткни пасть, Видман! – прорычал Куизль. – А не то я тебе бородашку выщипаю по одному волоску.

– Да как ты смеешь! – вскинулся Видман. – Твоя дочь меня...

– Как же мне надоело задницу тебе лизать, – оборвал его Куизль. – Всем уже тошно от твоих кичливых манер. В тот же день, как отправил тебе письмо, я пожалел об этом. – Он шагнул к Видману, над которым возвышался на целую голову. – Говорят, ты, когда голову рубишь, дрожишь, как маленькая девочка. Сколько ударов понадобилось тебе в последний раз? Пять? Или шесть? А может, ты сразу в обморок упал?

Нюрнбергский палач покраснел, но ничего не сказал. Вместо этого он повернулся к Дайблеру и прошипел:

– Мы все ждем не дождемся, когда можно будет продолжить. С этим горлопаном или без него.

Он развернулся и захлопнул за собой дверь. Дайблер ухмыльнулся.

– Спасибо, что поставил его на место. Кто-то должен был это сделать.

«Что ж, отлично, второго претендента можно вычеркнуть из списка, – подумала Магдалена. – Выбор понемногу сужается».

– Вообще не стоило писать ему про Барбару, – ответил Куизль. – Меня ослепило его богатство. Но, в сущности, он просто напыщенный болван и не достоин моей дочери. Ведь так?

Он улыбнулся Барбаре, но та не ответила. Она скрестила руки на груди и, уставившись куда-то вдаль, прошептала:

– Если мастер Ганс еще там, я не войду. И я не хочу, чтобы эти выпивохи разглядывали меня, как кобылу на рынке. Еще одну ночь в этом клоповнике я не выдержу!

– Раз уж вы заговорили про мастера Ганса, – задумчиво произнес Георг. – Я тут поговорил с Маттеусом Фуксом. Ну, который из Меммингена, со вчерашнего дня здесь. – Он понизил голос. – Так вот, Маттеус клянется, что еще вчера видел Ганса в Мюнхене. А тот утверждает, что прибыл из Вайльхайма сразу после пытки.

– Ну и что? – пробормотал Дайблер. – Может, он просто не хотел говорить, что ему нужно было проспать.

– Подождите, это еще не всё, – продолжил Георг. – Маттеус говорил, что видел его с девушкой – здесь, в Ау! У нее были золотистые волосы. Я это к чему – у убитой девушки в мельничном ручье тоже были...

– Хочешь сказать, Ганс провел время с бедняжкой, а потом прикончил ее? – Дайблер рассмеялся. – Все вы, Куизли, одинаковые! За каждым кустом видите по убийце... – Он повернулся к Барбаре и взял ее за руку. – Послушай, милая, дай мне только закончить это собрание, а потом я поговорю с женой. Сегодня же ночью вы сможете перебраться к нам, с ребятами и маленькой Софией. Договорились?

– До... договорились, – Барбара кивнула. Добродушие Дайблера, похоже, благотворно влияло на ее настроение. Впервые за несколько дней губы ее тронула слабая улыбка.

Магдалена облегченно вздохнула.

Может, все еще образуется. Для Барбары и для Петера.

Но предчувствие подсказывало ей, что все будет не так просто.

* * *

Еще через пару часов сумерки черным покрывалом опустились на Мюнхен. Колокола Старого Петра отзвонили седьмой час, и оживленные в течение дня улицы понемногу пустели. На рыночной площади у ратуши последние торговцы собирали свои корзины. Несколько патрициев в надвинутых на лоб шляпах прошли в сторону Граггенау, где обитали зажиточные горожане. Стражник начинал свой первый ночной обход, непрерывный шум и крики извозчиков постепенно стихали.

Лишь под аркадами с южной стороны площади, как и всегда в это время, слышались томные голоса и тихие стоны. Стражник пожал плечами и не стал тревожить влюбленных. Он и сам когда-то ходил молодым, а темные аркады были излюбленным местом для влюбленных парочек. И для проституток, которые занимались там своим промыслом. Престарелый стражник усмехнулся, вспомнив свидания давно минувшей молодости. Только вот сейчас для подобных удовольствий было слишком уж холодно. Теперь, когда возраст брал свое, любовным играм он предпочитал стакан подогретого вина в какой-нибудь таверне на Зендлингской улице.

Тереза Вильпрехт выждала, когда стражник скроется за углом, после чего повязала платок поверх длинных светлых волос и осторожно двинулась к аркаде. Пересекая крадучись рыночную площадь, она то и дело оглядывалась. Если кто-то из старых торгашей из ратуши сейчас узнает ее, все пропало! В худшем случае она столкнется со своим мужем, который вечно пропадал по каким-то делам и возвращался лишь поздней ночью. Два года назад, когда Тереза вышла замуж, будущее рисовалось перед ней в самых радужных красках. Конрад Вильпрехт был одним из богатейших патрициев в Мюнхене и даже заседал в Малом совете, который вершил судьбу города. Став его женой, можно было рассчитывать на жизнь среди роскоши и уважения, в бесконечных праздниках и балах.

Но двадцатилетняя Тереза быстро поняла, что обрекла себя на жизнь в золотой клетке.

Вильпрехт женился на ней только потому, что его прежняя жена умерла от тифа – она подарила ему трех дочерей, и теперь он надеялся на наследника. Но Тереза родила ему лишь четвертую девочку – слабенькая и бледная, она постоянно плакала и болела. Старшие дочери презирали ее и не пытались этого скрыть, даже слуги обращались с ней как с грязью. Когда Тереза говорила об этом мужу, он был погружен в мысли о каких-то договорах и ценах на зерно. В постели же был чуть живее дохлой рыбыны. Казалось, жизнь для нее закончилась, так и не успев начаться.

Единственным ее утешением был Мартин.

Они познакомились несколько месяцев назад на балу в ратуше. Сын могущественного семейства Лигзальц, Мартин был молод и хорош собой. Он желал ее, даже изнывал по ней, и те редкие часы, которые они проводили вместе, помогали Терезе пережить эту холодную, безотрадную зиму. За которой последуют такие же безотрадные весна, лето и осень. С Мартином она хотя бы ненадолго могла забыть своего жирного, безучастного супруга, злобных падчериц и без конца орущей девочке.

С душевным трепетом Тереза приближалась к аркаде, под которой днем торговцы сбывали свои товары. До сих пор они встречались в одном из огородов квартала Хакенфиртель, в покосившемся сарае, где, словно кошки весной, предавались любви среди граблей, лопат и

корзин. Может, и не самое лучшее место для любовных утех, но Мартин всякий раз давал наемщику несколько монет, и они не боялись разоблачения.

Однако в этот раз Мартин передал ей, что будет ждать в семь часов под аркадами. Это место пользовалось известностью среди влюбленных пар Мюнхена. Тихие стоны и смех, доносившиеся из проходов, будоражили кровь. Это было восхитительно! Тереза чувствовала себя воровкой, крадущейся в ночи. Быть может, Мартин захочет развлечь ее и прикинется злым проходивцем... Она с удовольствием поддержит его игру.

– Мартин! – прошептала Тереза и оглядела темные ниши. – Мартин? Ты здесь?

– Подыщи себе другое местечко, дорогуша! – послышался совсем рядом хриплый женский голос. – Здесь уже занято.

Кто-то рассмеялся. Тереза вздрогнула и побрела дальше. Мартин мог хотя бы сообщить, где именно будет ждать ее. Под аркадами было темно, как в дремучем лесу. Ему не приходило в голову, что она может испугаться? Но в предвкушении встречи Тереза быстро позабыла свои страхи и поспешила дальше. При этом она думала, как было бы прекрасно выйти замуж за юного Мартина, а не за старого, жирного Вильпрехта. Или хотя бы родить от него ребенка! Но Мартин был черноволосым, а у нее и у Конрада волосы были светлые. Слишком велика была опасность, что старик что-нибудь заподозрит. Он и так в последнее время странно на нее поглядывал. Поэтому Тереза после каждой встречи промывала лоно уксусом и пила отвар из лебедеи, плюща и перечной травы, чтобы не допустить нежелательной беременности.

– Мартин! – позвала она еще раз, пробираясь в темноте. – Мартин? Где ты?

Снова никакого ответа. Тереза со злостью топнула по холодному полу, и по коридорам разнеслось гулкое эхо. А может, Мартин просто разыграл ее? Даже записка показалась ей странной; почерк был неразборчивый, Мартин никогда так не писал...

Тереза хотела уже вернуться на рыночную площадь, но впереди вдруг послышался тихий голос:

– Я здесь, Тереза! Иди ко мне!

Женщина помедлила. Голос показался ей странным, каким-то хриплым. Но это, возможно, было частью игры, которую затеял Мартин...

– Мартин, это ты? – спросила она нерешительно.

– Конечно, моя сладкая голубка, – вновь послышался хриплый голос. – Подойди ко мне, я так скучал по тебе...

– О, Мартин!

Теперь Тереза не сомневалась. Так называл ее только Мартин. Она побежала на голос. Колонны там полностью терялись во мраке, лишь мерцал слабый огонек – видимо, Мартин зажег для нее свечу. Может, он даже принес подушки и кувшин вина... Это было бы превосходно! Тереза двинулась на огонек, и в этот момент за спиной у нее послышались шаги.

– Мар... – только и успела выговорить женщина.

В следующий миг она получила удар по затылку и, не издав ни звука, повалилась на пол. Из темноты по-прежнему доносились тихие голоса и смех, и больше ничто не нарушало тишину.

Сильные руки подняли Терезу и, точно свиную тушу, погрузили в небольшую тележку, скрытую за колоннами. Поверх тела легло покрывало, и тележка тронулась с места.

Незнакомый коробейник, сгорбленный и в широком плаще, тащил свои товары через рыночную площадь. Стражник мельком посмотрел ему вслед и громким криком сообщил горожанам, что в Мюнхене все спокойно.

* * *

– А у Дайблера большой дом? Больше, чем твой? И в углу у него тоже висит меч, как у нас в Шонгау?

Маленький Пауль подпрыгивал рядом с Куизлем, как ополоумевшая собачка. Всю дорогу из Ау он засыпал деда вопросами. Якоб неразборчиво ворчал в ответ. Как и Симон, палач нес на плече сверток, куда они сложили свое скудное имущество. Георг тоже вызвался проводить их до нового пристанища, но после собирался вернуться в Ау вместе с отцом.

Магдалена взглянула на отца и Пауля и невольно улыбнулась. Мальчик души не чаял в дедушке и мечтал когда-нибудь стать известным палачом. Не менее известным, чем Георг Абриль, их далекий предок, который заработал целое состояние во время охоты на ведьм в Шонгау и ездил на казни по всей Баварии, в том числе и в Мюнхен.

Иногда Магдалене сложно было любить Пауля так же, как старшего сына. Если Петер увлеченно читал, писал и рисовал, то Пауль постоянно пропадал на улице и часто возглавлял ватагу мальчишек, с которыми творил всевозможные глупости, опрокидывал помойные ведра и дрался со сверстниками. Во всем его облике было что-то дикое, жестокое. Однажды Магдалена увидела, как он свернул шею птице и внимательно наблюдал, как она умирает.

«Видимо, есть в нас что-то такое, иначе не было бы в нашем роду палачей, – подумала Магдалена. – Что ж, по крайней мере, Петер не такой. Может, завтра при дворе Симон чего-нибудь добьется для него».

Собрание в трактире продолжалось до поздней ночи, так что теперь они вынуждены были идти в полной темноте по узкой, обледенелой тропе. Дайблер жил недалеко от Зендлинских ворот, едва ли не в другом конце Мюнхена. Он решил, что лучше идти вдоль городской стены и добраться до ворот. В это время горожанам запрещено было появляться на улицах, и Дайблер не хотел попадаться на глаза стражникам. Он собирался приютить у себя семью приезжего палача, и это никак не укладывалось в законные рамки.

Магдалена то и дело мысленно возвращалась к той жуткой мумии, найденной у Нижних пристаней. Здесь, в местах, называемых Верхними пристанями, тоже недавно нашли мертвую девушку – с колом в груди. С тех пор люди не прекращали говорить о нежити и привидениях.

Магдалена покрепче прижала к себе Софию, укутанную в платок и крепко спящую. Оставалось только надеяться, что она будет жить в такое время, когда люди перестанут видеть за каждым необъяснимым событием ведьму или привидение.

– Далеко еще? – спросила она у Дайблера, который шел впереди рядом с Георгом. Они что-то оживленно обсуждали и, казалось, понимали друг друга с полуслова, несмотря на разницу в возрасте.

Дайблер оглянулся и помотал головой.

– Почти пришли, вон Зендлинские ворота.

Он показал вперед: над городской стеной вырисовывались контуры массивных башен.

– Мне холодно, – пожаловалась Барбара. Вместе с Симоном и Петером она замыкала шествие. – К тому же места не очень-то приветливые. Всюду бурные ручьи и каналы, запросто можно упасть... И кто вам сказал, что нам не попадутся здесь какие-нибудь мерзавцы?

До сих пор за всю дорогу Барбара не проронила и десятка слов. Магдалена так и не нашла случая продолжить разговор, начатый у пристаней. Казалось даже, что сестра избегала ее, как будто отчаянно искала лазейку, чтобы избежать предстоящего замужества.

Наконец они подошли к укреплениям перед Зендлинскими воротами. Подобно Изарским воротам, они представляли собой массивное сооружение из трех башен с внутренним двором между ними. Надо рвом, который окружал город, нависал мост, совершенно пустой в это позднее время.

– Теперь осталось только упросить старого Лайнмиллера, чтобы впустил нас, – сообщил с ухмылкой Дайблер и по широкой лестнице поднялся к мосту. – Но с этим сложностей не будет. Моя жена каждое полнолуние снабжает его отваром, чтоб у него торчком стоял.

Но не успел он шагнуть на мост, как ворота со скрипом отворились и оттуда на полной скорости вылетел экипаж. Магдалена заметила, к своему ужасу, что Пауль опередил деда и уже стоял на мосту.

Карета неслась прямо на мальчика.

Куизль прыгнул вперед, схватил Пауля и отбросил его к краю моста. В последний момент палачу удалось откатиться в сторону и не попасть под копыта. В следующий миг карета уже скрылась в темноте, и некоторое время еще слышались топот копыт и грохот колес.

– Заносчивая скотина! – крикнул Куизль в темноту. – Только попадитесь мне, я вас на ваших же колесах колесую!

Магдалена бросилась к Паулю, но мальчик, похоже, отделался царапинами. Он таращил глаза, но уже улыбался.

– Как дедушка подбросил меня, я аж подлетел! – прошептал он.

У него были порваны штаны и содрано колено – для Пауля это обычное дело. Магдалена испытала такое облегчение, что не смогла ничего сказать и просто обняла сына. В этот момент она поняла, что любит Пауля так же крепко, как Петера и Софию.

«Каждого на свой лад», – подумала она.

– Вообще-то в такой час никому не разрешается покидать город! – проворчал Дайблер, по-прежнему глядя вслед карете, давно скрывшейся из виду. – Черт его знает, почему стражники открыли для них ворота.

– Во всяком случае, это были не простые путники, – отметил Симон. – Вид у кареты был очень пристойный, и лошади благородные, – он нахмурил лоб. – И вы заметили, что она была завешана черным пологом? И дерево было выкрашено в черный цвет. Ее как будто хотели замаскировать.

– Что ж, это им удалось, – с мрачным видом отозвался Георг. – Мы тоже заметили ее в последний момент. Хотел бы я знать, кто в ней ехал...

– Завтра при дворе мой любезный зять может поискать мерзавцев, – насмешливо произнес Куизль. – Уверен, это были какие-нибудь благородные ублюдки со своими шлюхами. Только на это они и годятся: или скачут на лошадях по засеянным полям, или давят каретами маленьких детей!

– Ладно, все равно они уехали.

Дайблер подошел к воротам, давно уже запертым, и постучал в калитку с правой стороны.

– Эй, Лайнмиллер! – крикнул он. – Слышишь? Это я, палач. Впусти-ка меня!

Скрипнул засов, и дверь приоткрылась. В узкой щели показалось недовольное морщинистое лицо. Стражник оглядел спутников Дайблера, глаза его недоверчиво поблескивали из-под шлема.

– Это мои друзья, им нужен кров на несколько дней, – пояснил Дайблер. – Ну же, Лайнмиллер, хватит ломаться! Я и сам знаю, что время уже позднее. Я скажу Вальбурге, чтобы в следующий раз сделала отвар покрепче.

– Еще крепче? Ха, только вот девкам это вряд ли понравится! – Старик ухмыльнулся и открыл низкую дверцу, поторапливая Дайблера и его спутников. – Давайте быстрее, пока другие стражники не прознали!

– А что это за экипаж такой вы сейчас пропустили? – спросил Дайблер. – Похоже, кто-то из благородных...

Лицо стражника неожиданно померкло.

– Тебя это не касается, палач! Занимайся лучше своими делами.

Магдалена заметила неуверенный блеск в его глазах. Очевидно, стражник что-то скрывал от них.

– Нужен тебе отвар или нет? – прорычал Дайблер. – Говори давай! Я ведь могу сказать Вальбурге, чтобы добавила туда ядовитого воронца...

Лайнмиллер вздохнул.

– Откуда ж нам, простолюдинам, знать про дела благородных господ? Карета проезжает тут раз или два в месяц, всегда завешанная черным. Выезжает чаще всего, когда ворота уже закрываются, и возвращается на рассвете. Нам просто велено пропускать ее – указание свыше. Так что мы особо не расспрашиваем.

– Особенно если получаете за это монетку-другую, – Дайблер подмигнул стражнику и показал на мешочек, висевший у него на поясе.

Лайнмиллер покраснел.

– Черт подери, если б ты знал, сколько мне платят за эту поганую работу! Раньше-то место было хорошее, но как начали строить эти укрепления, так в казне и не осталось ничего, и у нас за душой ни гроша!

Дайблер кивнул и похлопал старика по плечу.

– Ладно-ладно, дружище. Нам всем надо как-то сводить концы с концами. Завтра можешь заглянуть, забрать свой отвар. Давай, доброй ночи, – и не мерзни.

* * *

Они оставили стражника и повернули направо. Вскоре впереди показалось необычное строение. Это был массивный двухэтажный дом, расположенный посреди улицы недалеко от городской стены. Его окружала собственная стена высотой в человеческий рост, и за ней были видны деревья и кустарники. Магдалене вспомнились подворья военнообязанных крестьян, одиноко расположенные в лесах.

«Как маленькая крепость, – подумала она. – Защищенная от внешних угроз».

– Мои скромные владения, – произнес с улыбкой Дайблер и показал на дом, позади которого высилась башня с крышей причудливой формы. – Вообще-то палачи всегда селились за городскими стенами. Но тут, в самой заднице Мюнхена... короче, благородные господа не стали возражать.

– Знатная же задница, – одобрительно проворчал Куизль. – Ты все-таки мюнхенский палач, а не какой-нибудь деревенский живодер вроде нас. У Видмана в Нюрнберге дом ненамного лучше.

– Вообще-то для нас двоих он слишком уж велик. – Дайблер пожал плечами и открыл маленькую калитку с задней стороны. – Детей у нас с Вальбургой, к сожалению, нет, а мой подмастерье, пьяница безмозглый, живет у своего отца. Ученик в прошлом году помер от лихорадки... – Палач вздохнул. – Хёрманн из Пассау хотел отправить ко мне своего сына, но мне хватает и одного пьянчуги на эшафоте.

Они пересекли небольшой сад, в это время покрытый снегом и жухлой травой. Но Магдалена заметила по кустикам, жердочкам и ровным линиям грядок, что сад находился в заботливых руках. Ей вспомнился их сад в Шонгау, за которым прежде ухаживала ее мама. Так же было и здесь: если снаружи дом выглядел холодным и неприветливым, то в саду было на удивление уютно.

Дайблер постучал в дверь, и она тут же открылась. Их встретила женщина, до того высокая, что Магдалена в первый миг приняла ее за мужчину. У Вальбурги Дайблер были седые с черными прядями волосы, собранные в пучок. Судя по забрызганному соусом переднику, она до сих пор хлопотала у очага. Когда муж и жена стояли рядом, нетрудно было заметить, что Вальбурга на целую голову выше Михаэля. Если она была высокой и худой, то ее муж рос

скорее в ширину. Магдалена невольно улыбнулась. Никогда еще она не видела пару, настолько непохожую. Возле ног Вальбурги обтирались сразу пять кошек, из дома доносилось мяуканье других.

– Ну, заходите же, бедолаги! – сказала с жалостью Вальбурга. Голос у нее был мягкий и на удивление низкий для женщины. – В такой холод нечего ночью по улицам шастать. – Она наклонилась к Петеру и Паулю, которые смотрели на нее выпученными глазами. – Моя Нала только зимой окотилась. Котята еще маленькие и очень слабые. Поможете мне покормить их?

Теперь уж ребята отбросили всякую робость и восторженно закивали.

Дайблер рассмеялся.

– Кошки и дети! Если со вторым у нас туго, то уж первого в избытке.

Вальбурга отступила в сторону, и они вошли в хорошо обставленную, уютную комнату, в которой пахло жженым медом и экзотическими пряностями. На столе стояла миска с ароматными печеньями и кувшин подогретого вина. В красном углу рядом с распятием и высушенной розой, как и у Куизля в Шонгау, висел палаческий меч.

Петер с Паулем отправились на поиски котят, а Вальбурга тем временем обратилась к гостям с улыбкой.

– Михаэль уже рассказал мне про ваше мерзкое пристанище. – Она покачала головой. – Это ж надо додуматься, поселить детей и молодую девушку в Ау! Мужчины, что с них взять...

– У нас в Ангере тоже не так уж и безопасно, Бурги, – проворчал Дайблер. – Только что на Зендлингском мосту нас едва не задавила карета.

– Боже правый! – Вальбурга испуганно вскинула брови. – Хотя ночью будет покой от этих мерзавцев с их экипажами? Ну, могу вас заверить, что у нас по дому никакие кареты не ездят.

– Рано радуетесь. Вы еще не видели, как Пауль носится по комнате на своей палке.

Магдалена улыбнулась. Мягкий, приятный голос Вальбурги никак не сочетался с ее могучим сложением. Она с первой же минуты почувствовала симпатию к жене палача. Как и все в этом доме, Вальбурга излучала приятное тепло.

– В любом случае спасибо, что приютили нас у себя.

– Ладно тебе, – Вальбурга отмахнулась. – Для нас этот дом все равно слишком велик. А я уже давно не слышала детских голосов. Только вот кошек своих... – Она показала на Софию, которая проснулась от шума и заплакала. – Может, я ее покачаю?

Магдалена засомневалась. Вообще-то София засыпала только с ней, даже Симон не мог ее укачать. Потом все-таки кивнула и передала Вальбурге плачущий сверток.

– Попробуйте. Если не выйдет, просто отдадите обратно.

– По-моему, ей тут слишком жарко...

Вальбурга раскутала Софию, и девочка, как по волшебству, тут же успокоилась. Женщина посадила Софию к себе на колени и стала покачивать ее и напевать песенку. Вскоре малютка уже радостно повизгивала и хватала пальчиками волосы Вальбурги.

– Похоже, что спать она пока не собирается! – рассмеялась хозяйка, подбрасывая Софию на коленях.

Магдалена улыбнулась.

– Такой доверчивой она бывает нечасто. Из вас вышла бы замечательная няня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.